

Кавказская Скифия

Ю. А. Дзицойты

<http://mcir.ru/index.php?page=stat&id=13>

Археологические и нарративные источники свидетельствуют об оседании части скифов на Кавказе. Известно, например, что в Закавказье, в районе впадения Иори, Алазани и Гянджачая в Куру, существовала историческая область Sakasēna, название которой в переводе с древнеиранского (в данном случае, видимо, мидийского), означает «место обитания саков», *sakā-šayana-. По свидетельству Геродота (VII, 64), саки – это те же скифы, ибо персы всех скифов зовут саками. Исходя из данного отождествления, отдельные историки пытаются соотнести Сакасену со «скифским царством» царя Партатуа, что, однако же, не находит поддержки у другой части специалистов [Грантовский 1998: 183; Погребова 2003: 136]. Как бы то ни было, наличие скифского элемента в пограничной зоне современных Грузии, Армении и Азербайджана не вызывает сомнений. Нарративные источники позволяют предполагать существование еще одного скифского царства в Закавказье. Речь идет об исторической области Гамир (kurGamir(ra) ассирийских источников. Эту область ассирийские источники помещают рядом с областью kurGu-gi-a-ni-a / kurQu-gi-a-ni, что позволяет локализовать область Гамир в Центральном Закавказье, точнее, на территории современной Южной Грузии [Иванчик 1996: 57; Cheung 2000: 5]. В названии этой страны уверенно распознается этноним «киммерийцы», которых многие ученые считают скифским племенем.

Однако на Кавказе существовала еще одна Скифия, о которой мы знаем только благодаря этимологии осетинского топонима K'wydar 'Южная Осетия'. Именно этой Скифии и посвящено настоящее исследование.

1. Семантика и употребление топонима K'wydar

Происхождение топонима K'wydar уже обсуждалось в научной литературе, однако ни одна из предложенных для него этимологий, на наш взгляд, не может быть признана удовлетворительной. Но прежде чем перейти к разбору существующих этимологий, а затем и к собственно этимологическому анализу, необходимо ответить на ряд лингвистических и экстралингвистических вопросов, связанных с употреблением топонима K'wydar в диалектах осетинского языка. В Южной Осетии топоним K'wydar (или K'wydargom // K'wydary kom 'Кударское ущелье') закреплен за сравнительно небольшим ущельем на северо-западе Южной Осетии [ИАА, III: 240, 306; Цховребова 1979: 82, 121]. В говорах же Северной Осетии известна только форма K'wydar, имеющая значение 'Южная Осетия'. Весьма показательным, что в работе одного из североосетинских историков начала прошлого века под названием K'wydar скрывается территория осетинских поселений Горийского и Душетского уездов бывшей Тифлисской губернии Российской империи [Кокиев 1926: 23][1]. Между тем, Кударское ущелье административно входило в состав Кутаисской губернии той же империи [Бзаров 2002: 31, 33]. Таким образом, топоним K'wydar, по представлениям северных и южных осетин, охватывает разные территории Южной Осетии. Но дело этим не ограничивается.

Как показывают наши полевые наблюдения, под названием К'wydar в Северной Осетии известна и Наро-Мамисонская котловина (Twalgom, Mamysony kom), прилегающая к Южной Осетии на севере. В качестве причины причисления Туалгома к Кудару наши информанты указывают на факт наличия у жителей этого региона «другого языка» (ændæg ævzag), т.е. «другого диалекта».

Эти сведения подтверждаются и сообщением В. Переваленко – автора середины XIX в., который среди прочих сел Кударского ущелья назвал и селение Квемобож [ППК, I: 87]. Селения Квемо-Боджаи Диди-Боджа среди прочих сел Южной Осетии упоминает и путешественник конца XVIII в. И. Гюльденштедт. Как полагал академик Г. С. Ахвледиани, названные села локализуются в Кударском ущелье, а одно из них соответствует топониму Боджа, нанесенному на карту Южной Осетии, составленной в 1900 г. [Ахвледиани 1960: 67, 75]. Однако, по свидетельству топонимиста З. Д. Цховребова, в Кударском ущелье Южной Осетии нет сел с такими названиями, а топоним Боджа на упомянутой карте четко локализуется в Северной Осетии [Цховребова 1979: 117, 120]. Действительно, в Мамисонском ущелье Северной Осетии известны топонимы Æddag Bodzo, Bodzo и Fallag Bodzo [Цагаева 1975: 222, 226, 265], с которыми и следует сопоставить топоним (Квемо) Боджа. Локализуя данные села в области Кудар, В. Переваленко имел в виду не Кударское ущелье Южной Осетии, а смежное с ним Мамисонское ущелье Северной Осетии. Следовательно, Мамисонское ущелье, по представлениям В. Переваленко, также носило название «Кудар».

Не исключено, что в прошлом название К'wydar прилагалось и к Касарскому ущелью Северной Осетии. В одной дигорской песне находим следующие слова: Wællag Iri sær K'udar æj «Над Алагирским (ущельем) находится (область) Кудар» [ИАС, II: 609]. Если учесть, что в прошлом «Алагирское ущелье» было названием части Северной Осетии, расположенной между селениями Тæмискъ и Бурон [МД 1989, I: 76; МД 1993, V-VI: 110-111; Туаты 1999: 66; ср.: Бзаров 1987: 11, 13-14; Бзаров 1988: 19], то можно высказать догадку, что Касарское ущелье, начинающееся сразу за Бураном, входило в состав «(области) Кудар». Это предположение находит подтверждение в следующем сообщении Вахушти Багратиони: «Но и Двалетия разделяется на ущелья и называются ущелья так: Касрисхеви, Зрамага, Жгъеле, Нара, Зрого и Заха» [Вахушти 1904: 137-138]. другом месте тот же Вахушти пишет: «А к западу от Валагири или Паикоми следует ущелье Касрисхеоба, которое и теперь называется Двалетией» [Там же: 145]. Как увидим ниже, средневековые носители кударской речи известны грузинам как dval-n-i, а территория их проживания – как Dval-et-i (по самоназванию twal). Следовательно, фольклорное К'wydar в данном случае является синонимом исторического Dvaleti.

Возникает вопрос: какое из отмеченных значений топонима К'wydar первично, а какое вторично? Другими словами, имеем ли мы дело с сужением первоначальной семантики этого топонима в говорах Южной Осетии или, напротив, ее расширением в говорах Северной Осетии?

Первое из этих предположений априори кажется более вероятным по двум причинам. Во-первых, в Мамисонском ущелье Северной Осетии действительно говорят на особом говоре осетинского языка, тесно связанном с «кударским» (или «джавским») диалектом Южной Осетии [Тибилов 1988: 26, 68; Бекоев 1985: 170-173; Дзаттиаты 2002: 160]. Данный диалект, как и название К'wydar, не мог быть перенесен

из Южной Осетии в Северную, так как основная волна переселений шла с севера на юг, а не в обратном направлении. Следовательно, носители кударского диалекта в Мамисоне – это остаток прежнего кударского населения.

Во-вторых, для того, чтобы северные осетины могли перенести название одного из ущелий Южной Осетии на Южную Осетию в целом, необходимо, чтобы это ущелье было известно им лучше других югоосетинских ущелий. Между тем, большинство населения Северной Осетии даже и не подозревает о существовании Кударского ущелья. Если бы в поисках названия для Южной Осетии осетинам Северной Осетии пришлось переносить на Южную Осетию название одного из ущелий, то для этой цели лучше всего подошло бы название Twalgom, покрывающее собою всю Наро-Мамисонскую котловину. Любопытно отметить, что в средневековых грузинских источниках Южная Осетия известна именно как «Туалия» (груз. Dvaleti), а В. Ф. Миллер называл кударский диалект осетинского языка «туальским» [Миллер 1882: 30–31].

Следовательно, появление названия K'wydar в Северной Осетии, а также прикрепление этого названия к Южной Осетии в целом – это результат каких-то других процессов, притом весьма древних.

Итак, на вопрос, поставленный выше, мы можем дать пока лишь предварительный ответ: в Южной Осетии, скорее всего, произошло сужение исходной семантики топонима K'wydar, семантики, сохранившейся в говорах Северной Осетии. Весьма симптоматично, что решение поставленной задачи выводит нас за пределы собственно лингвистических проблем и тесно смыкается с проблемой этнической истории Южной и Центральной Осетии. Нам придется, в частности, дать ответ не только на вопрос о появлении топонима K'wydar в Северной Осетии, но и на вопрос о соотношении в исторической ретроспективе топонимов K'wydar и Twal(gom). Очевидно также и то, что к вопросу о происхождении топонима K'wydar тесно примыкает весьма важный для осетинской диалектологии вопрос о становлении центральных и южных говоров осетинского языка.

Следующий вопрос, требующий ответа на предварительном этапе, касается существующего параллельно с топонимом K'wydar этнонима k'wydar 'кударцы' (откуда такие производные, как k'wydajrag 'кударец' и вторичная форма множественного числа k'wydajrægtæ 'кударцы'). Как и в случае с топонимом K'wydar, рассматриваемый этноним в Южной и Северной Осетии имеет разные значения. Это хорошо видно, в частности, из этнографического материала, собранного Н. Г. Волковой: «Территорию, населенную кударцами, осетины отдельных областей представляют весьма различно. Так, плоскостные осетины кударцами иногда называют осетинское население, живущее в горах за Буроном, т.е. туалъцев, и за Рокским и Мамисонским перевалами. Туалъцы считают кударцами осетин Южной Осетии и Трусовского ущелья. Население Урс-Туалта (Белая Туалта) называет кударцами лишь жителей Кударского ущелья Южной Осетии (...). Под именем кудайраг южные осетины известны и у дигорцев и трусовцев. Среди последних существует также другое название для осетин, живущих за Крестовым перевалом (по-осетински Бидарта), - дзымыр, - которое, с их точки зрения, является синонимом слова кудайраг (...). Сами себя кударцы именуют ирон, а при общении с иронцами - кудайраг и туаллаг (...). Туалъцы, живущие от трусовцев за перевалом Закафцаг,

называют их терсиком и кудайраг, однако сами себя трусовцы к кударцам не причисляют» [Волкова 1973: 117–118].

К этому следует добавить, что и жители Кударского ущелья Южной Осетии, по нашим наблюдениям, не называют себя кударцами. Они считают себя иронцами, однако иронцы Северной Осетии, единственным самоназванием которых является этноним *iron*, не дают этого названия ни дигорцам, ни туалъцам, ни, тем более, южным осетинам [Миллер 1887: 109]. Дигорцы также не распространяют этноним *iron* на южных осетин.

Создается впечатление, что в Центральную и Южную Осетию этноним *iron* попал сравнительно недавно, очевидно, в результате переселения из Северной Осетии больших групп северных иронцев. Массовый исход северных иронцев мог произойти только в результате серьезных исторических катаклизмов, каковым, учитывая исторические данные, могло быть либо татаро-монгольское нашествие на Северный Кавказ, либо следовавшее за ним нашествие Тамерлана. Именно эти события нашли отклик в сообщении грузинского историка и географа начала XVIII в. Вахушти Багратиони: «После похода Чингис-хана Ботохакан (Батый – Ю.Д.) разбил (осетин) и опустошил (страну их), осетины же ушли внутрь Кавказа (...). После же опустошения Овсетии (= Осетии – Ю.Д.) и вступления их (осетин) внутрь Кавказа, стали называться – Овсетия Черкесией, или Кабардой, а находящиеся в горах Кавказа по имени вступивших сюда (осетин) – Овсетией» [Вахушти 1904: 138].

Переселившиеся во внутренние районы Кавказа осетины-овсы и являются теми иронцами, которые принесли в Южную Осетию самоназвание *iron* [Ахвледиани 1960: 69]. Следовательно, до их переселения в Центральную и Южную Осетию у проживавших там осетин было другое самоназвание. Какое именно? Как явствует из грузинских источников, южные осетины в эпоху средневековья именовали себя туалами. Отсюда видно, что после отмеченного переселения этноним *iron* вытеснил самоназвание *twal* на всей территории Южной Осетии за исключением глухой окраинной провинции *Urs-Twaltæ*. Смена самоназвания осталась незамеченной для иронцев Северной Осетии, которые перенесли на новых насельников Южной Осетии название предшествовавших им туалъцев. Нечто подобное произошло и на Северном Кавказе, в Балкарии, где приблизительно в эту же эпоху аланское население, известное под самоназванием *asu*, сменилось тюркским, однако соседние осетины перенесли на тюрков прежнее название *asu*, принявшее в современном осетинском языке значение ‘балкарцы’.

Но если этноним *twal* - это историческое самоназвание южных осетин, то как он соотносился с этнонимом *k'wydar*, который, судя по всему, также был названием тех же средневековых южных осетин? Этот вопрос неразрывно связан с другим, а именно: что первично при сопоставлении этнонима *k'wydar* с одноименным топонимом, а что вторично? Иными словами, восходит ли топоним к этнониму, или наоборот? Дело в том, что осетинский язык знает оба варианта развития. Так, с одной стороны, упомянутый этноним *asu* ‘асы’ стал названием ущелья – *Asy* ‘область проживания асов’, ‘Балкария’. С другой стороны, название реки и ущелья *Cysan* в Южной Осетии превратилось в название этнографической группы осетин, чисанцев, проживающих в этом ущелье.

Мы полагаем, что топоним *K'wydar* первичен, а этноним *k'wydar* является его дериватом. Следовательно, можно высказать догадку, что в аланское время южные

осетины были известны северным осетинам и как туалыцы (по самоназванию *twal*), и как кударцы, т.е. «жители области Кудар». Второе из них было иноназванием, возникшим в североосетинской среде.

Аргументов, свидетельствующих о первичности топонима *K'wydar* и вторичности соответствующего этнонима, вполне достаточно. Наиболее существенными из них являются следующие.

Топоним *K'wydar* в форме *K'udaro* неоднократно упоминается у Вахушти Багратиони, причем, является названием Кударского ущелья Южной Осетии [Вахушти 1904: 82, 146, 147, 216, 217, 218; Вахушти 1976: 101, 276]. В то же время этноним «кударец» у Вахушти ни разу не встречается. Более того, жителей Кударского ущелья Вахушти считает туалыцами: «жители Большой Лиахвы, Малой Лиахвы, Кснис-хеви (Чисанского ущелья – Ю.Д.) и Кударо тоже суть двальцы» [Вахушти 1904: 147]. Далее, в топонимии Осетии имеется значительное количество топонимов, исходящих на -*ar* (см. ниже), тогда как нет ни одного оригинального осетинского этнонима с таким же окончанием.

Таким образом, средневековая Южная Осетия (или какая-то ее часть) носила название *K'wydar*, а населявшие ее осетины у соседних грузин и северных осетин были известны как туалыцы (осет. *twal*, груз. *dvalni*). Но северные осетины пользовались еще одним названием – *k'wydar*, восходящим к соответствующему географическому названию. Грузины, знавшие о существовании области *K'wydarot* южных осетин, употребляли этот термин в его югоосетинском значении – ‘область на северо-западе Южной Осетии’. Таким образом, сужение первоначальной семантики рассматриваемого топонима произошло задолго до XVIII в., а точнее, как увидим ниже, задолго до эпохи средневековья.

2. Топоним *K'wydar* и «этноним» *Kowdētk*

В «Армянской географии» VII в. н.э. («Ашхарацуйц») сохранилось следующее описание этнического состава населения северных и южных склонов Центрального Кавказа: «Народы в Сарматии распределены следующим образом, начиная с запада и направляясь к востоку: во-первых, племена Аланов, Аштигор, на юге вместе с ними живут хебуры, кудеты (*Kowdētk*), а также аргвелы, маргвелы и скумуляы, т.е. такуйры. За дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут аланы (...). В тех же горах, после народа Ардоз, проживают племена Рачан (вариант чтения: Дачан), (Пиндж), Двалов, (Хонов), Цхумов, Овсуров, Цанаров (...))» [АИА, I: 17; Габриелян 1984: 14–15].

Г. Кокиев был первым, кто сопоставил кудетов «Армянской географии» с осетинами-кударцами [Кокиев 1921: 23, 24]. Если бы данное сопоставление оказалось верным, то мы имели бы надежные основания для локализации средневековых кударцев в Кударском ущелье Южной Осетии. Следует поэтому вкратце остановиться на новейших опытах толкования интересующего нас пассажа.

Цитированный выше перевод, выполненный Р. А. Габриелян, основан на реконструкции первоначального армянского текста, предпринятой С. Т. Еремянном [Еремян 1970: 400–409]. В новом комментированном переводе А. Алеманя [Алемань 2003: 367–371] этот пассаж выглядит так: «А в Сарматии находятся, начиная с востока на запад, прежде всего, народ аланов аш-дигор, а затем

на юге их соседи хебуры, кудеты, аргвелы – которые маргвелы – и сквины – (которые) такуйры».

Большинство современных ученых приняло отождествление «этнонима» kowdētk с областью K'wydar, помещая ее между рачинцами-«рачанами» и туалцами-«дуалами» [Еремян 1970: 406; Козырева 1977: 254; АИА, I: 47; Newsen 1992: 115; Кузнецов 1992: 182; Блиев, Бзаров 2000: 94; Бзаров 2002: 21; Алемань 2003: 370].

Это отождествление обосновано Ю. С. Гаглойти – автором специального исследования по сведениям «Ашхарацуйца» об аланах и осетинах [Гаглойти 1966]. В его работе аргвелы, или маргвелы сопоставлены с западногрузинской областью Argveti, или Margveti, а такуйры – с грузинской областью «Такуери» [Гаглойти 1966: 191–192; АИА, I: 47]. Что касается хебуров, то они сопоставлены с грузинским племенем рачинцев-гебцев, иначе называемых «глола-хебурами» [Гаглойти 1966: 192].

«Локализация хебуров, аргвелов и такуйров к югу от дигоров свидетельствует о том, что кутетов (вар. кудеты), упоминаемых Географией вместе с ними, также следует искать на южных склонах хребта. Доказательством этого служит, в частности, и упоминание Географией в числе 24 областей Иберии и области Кудит, близость которой к упомянутым ранее кутетам-кудетам не может не броситься в глаза» [Гаглойти 1966: 192].

К сожалению, состояние армянского памятника не дает оснований для окончательных выводов. Приемлемые с палеографической точки зрения правки позволяют по-разному читать и интерпретировать имеющуюся в этом памятнике ономастику (ср. такие варианты чтения, как дачаны – рачаны). В этой связи обращает на себя внимание недавнее исследование К. Цукермана, содержащее новый комментированный перевод рассматриваемого отрывка из «Армянской географии». В нем радикально пересмотрена локализация и отождествление упомянутых выше племен. В частности, хебуры отождествлены с брукхами и помещены на северо-западном Кавказе, кудеты отождествлены с готами и помещены рядом с хебурами-брукхами и т.д. [Zuckerman 2003: 144-152]. Я не берусь судить о справедливости этих отождествлений, однако нельзя не обратить внимания на тот факт, что французский исследователь старательно обошел вниманием сопоставление кудетов с кударцами.

С другой стороны, фонетическая близость этнонима хебуры к позднему наименованию рачинцев-гебцев – глола-хебуры настолько очевидна, что их действительно нельзя отрывать друг от друга. Все это противоречит гипотезе К. Цукермана.

Поскольку против отождествления «этнонима» kowdētk с топонимом K'wydar не было приведено ни одного убедительного аргумента, оно остается в силе. А это значит, во-первых, что в VII в. н. э., судя по топонимическому окружению, область Кудар находилась там же, где она известна и в наше время, а именно – на северо-западе Южной Осетии. Следовательно, в значении «Южная Осетия» этот топоним употреблялся до эпохи средневековья. Во-вторых, мы можем сделать первый шаг к его этимологии, ибо форма kowd-ēt-k содержит армянский показатель множественного числа -k и грузинский топоформант -et(i). Какой из всего этого следует вывод?

К. Цукерман прав, допуская, что одним из информаторов автора «Армянской географии» по населению Кавказа мог быть грузин [Zuckerman 2003: 147]. Об этом, помимо формы *K'udeti, свидетельствует и форма Dual-k, соответствующая грузинской dvali, а не осетинской twal. Об этом же говорит реконструированная С. Т.

Еремьяном форма *Awsur-k, восходящая к древнегрузинскому названию осетин ovs-i, осложненному грузинским же суффиксом -ug-i.

Сказанное означает также, что перед нами не этноним, а топоним, исходная форма которого имела вид *K'ud-et-i. В переводе с грузинского языка этот топоним означает 'Страна куд-ов'. Стало быть, и средневековый осетинский источник грузинского *K'ud-et-i мог означать что-то в этом же роде. Это дает нам основание делить анализируемый осетинский топоним на K'wud-ar, где первая часть является этнонимом, а вторая – каким-то формантом.

Поддерживает ли этимологический анализ осетинского топонима такую интерпретацию?

3. Обзор существующих этимологий топонима K'wudar

Первая этимология интересующего нас топонима принадлежит народным сказителям. И хотя она не представляет научной ценности, мы приводим ее в связи с тем, что народная этимология лишней раз свидетельствует в пользу первичности топонима K'wudar, а не связанного с ним этнонима. Во-вторых, эта же этимология говорит о том, что в сознании носителей осетинского языка рассматриваемый топоним уже давно был морфологически неразложимым, и его требовалось «объяснить». Следовательно, перед нами один из древнейших топонимов Южной Осетии, словообразовательная структура которого становится ясной только после применения этимологического анализа.

Один из вариантов народной этимологии топонима K'wudar был записан в 1883 г. В. Ф. Миллером в Южной Осетии. Он гласит: «Тамар дэдопали (царица Тамара – Ю.Д.) была бездетной царицей. Она жила на горе Бурсабдзели. С этой горы она отправилась в Имеретию и сказала своей служанке: «Никому не отдавай ключей». Когда Тамара уехала, ее служанка не устояла, отворила двери ключами и оттуда (из комнаты) вылетела утренняя звезда и села на небо. После этого небо заволочло и начал валить сильный снег. Увидев это, Тамара вернулась назад и когда достигла Они, то снег перевалил ее коню выше лопаток. Поэтому и называется город Они (Уæни). Оттуда поехала она к Кудару (Къуыдар) и там ее конь умер. Поэтому это место и зовется Кудар (...)» [Миллер 1887: 174–175].

В. Ф. Миллер не понял сути заложенной в последнем пассаже «этимологии», и дал к топониму K'wudar следующее примечание: «K'wudar значит обрубок, колода и применяется иронически к покойнику» [Миллер 1887: 178]. Действительно, словok'wudug, а не k'wudar, в осетинском языке означает 'обрубок, чурбан' и употребляется иногда в составе глагола, означающего 'околоть' – nuk'k'wudug wun. Но сказитель имел в виду не это, а другое, – грузинское слово mk'vdari 'мертвый'. На это указал проф. И. В. Мегрелидзе, резонно отклонивший данную «этимологию» как несостоятельную [Мегрелидзе 1960: 111]. В самом деле, если бы топоним K'wudar восходил к грузинскому слову mk'vdari, то интересующее нас ущелье в грузинском языке носило бы название *Mk'vdaro, а не K'udaro. Совершенно очевидно, что последняя форма восходит к осетинской K'wudar, а точнее – к староосетинской *K'udar (см. ниже).

В Кударском ущелье нам приходилось слышать другую легенду, согласно которой в стародавние времена грузинские князья учинили в этом ущелье кровавую

бойню, после чего осетины назвали эту местность Kwyd ran, т.е. 'Место плача', а уже из этого сочетания со временем произошел топоним K'wydar. Несостоятельность и данной версии народной этимологии, основанной на случайном и неполном созвучии, не вызывает сомнений.

Если обратиться теперь к научным этимологиям, то выяснится, что в своем большинстве они фактически являются сопоставлениями, а не этимологиями в научном смысле этого слова. Первый опыт подобного сопоставления, как было отмечено выше, принадлежит Г. Кокиеву. Другое сопоставление было предложено проф. Б. А. Алборовым.

Разрабатывая гипотезу о малоазиатском происхождении нартовского эпоса осетин, Б. А. Алборов пришел к выводу, что и в этногенезе осетин малоазийские племена приняли активное участие. Этот вывод был сделан на основе целого ряда весьма сомнительных и явно ошибочных этимологий, о которых в осетиноведении сейчас мало кто вспоминает. В числе других этимологий находим и сопоставление топонима K'wydar с ассирийско-ванским топонимом Kidarī [Алборов 1930: 281]. Данное сопоставление не может быть принято по соображениям как исторического, так и фонетического характера.

Следующая по времени этимология принадлежит А. Т. Агнаеву, который сопоставил топоним K'wydar с памирским (бартангским) топонимом Kudar – название реки и ущелья [Агнаев 1959: 88]. Данное сопоставление без ссылки на А. Т. Агнаева повторил В. Хугаев, который предложил еще и членение на K'wu + dar, видя в первой части персидское kuh 'гора', а во второй - персидское dar 'дверь' [Хугаев 1966: 72].

Связь топонима K'wydar с персидским kuh + dar следует отклонить по целому ряду причин. Во-первых, как уже было отмечено, сопоставление анализируемого топонима с древнегрузинским *K'ud-et-i ясно показывает, что в топониме K'wydar следует выделить корень K'wyd- и суффикс -ar. Деление на K'wu-dar неприемлемо. Во-вторых, в языке южных осетин не отмечено никакого персидского влияния. В-третьих, начальная абруптивная фонема остается необъясненной. В-четвертых, исходное значение топонима K'wydar, как мы видели выше, шире, и не сводится к одному ущелью, следовательно, значение типа «ворота гор» мало подходит для его объяснения.

По тем же причинам следует отклонить связь с памирским топонимом Kudar, который содержит персидское слово dar 'ущелье', а не dar 'дверь, ворота'. Показательно, что А. Т. Агнаев отказался от этого сопоставления, предложив взамен другое, на мой взгляд, еще более неудачное.

В своей новой этимологии А. Т. Агнаев исходит из той посылки, что существует этноним, а не топоним K'wydar, поэтому его этимология должна быть ориентирована на поиск созвучного этнонима [Агнаев 1992, II: 4]. Эта посылка свидетельствует о незнании не только грузинского (см. выше), но и осетинского материала, однозначно указывающего на первичность топонима K'wydar и вторичность соответствующего этнонима. Но дело даже не в этом. За тридцать лет до появления данной этимологии этот же автор, как мы видели выше, уже обращался к этимологии интересующего нас названия. Но тогда он этимологизировал именно топоним, а не этноним k'wydar. В чем же заключается причина столь радикальных изменений в отношении ученого к изучаемому названию?

Оказывается, все очень просто. Согласно новой этимологии А. Т. Агнаева, рассматриваемое название связано со скифским этнонимом, который упоминается в этногонической легенде скифов, записанной Геродотом. Это этноним катиар, который, по мнению А. Т. Агнаева, состоит из иранской основы *kata-* ‘землянка’, инфикса *-i-* и основы осетинского глагола *ag-un* ‘находить’ [Агнаев 1992, I: 3].

Данная этимология вызывает слишком много вопросов. Начнем с того, что скифское катиары, как установлено несколькими поколениями иранистов (Кристенсен, Дюмезиль, Раевский и др.), не является этнонимом – это скифское наименование социальной группы рядовых общинников. Во-вторых, А. Т. Агнаев отталкивается от греческой передачи (в транслитерации на кириллицу) скифского слова, исконное звучание которого нам не известно. Однако, учитывая закономерности в передаче скифских слов средствами греческого письма, Ж. Дюмезиль предложил восстановить его скифскую форму либо в виде **hu-šahra-* ‘имеющий хорошие пастбища’, либо в виде **gau-šahg-ya-* ‘имеющий пастбища для крупного рогатого скота’ [Дюмезиль 1990: 148-149]. Последняя реконструкция принята А. Кристолом [Christol 1989: 8; ср.: Раевский 1977: 69–70]. Ни один из этих этимонов не мог привести к осетинскому *k’wydar*.

Но если даже греческую транскрипцию скифского слова (*Κατίαρσι*) признать абсолютно адекватной его скифскому произношению, то и в этом случае из форм *катиар* трудно получить осетинскую форму *k’wydar*. Иранское *kata-* в осетинском языке закономерно отложилось в виде *kæt* ‘конюшня’ [Абаев 1958: 590] и нет никаких оснований полагать, что эта же основа могла дать еще и незакономерную форму *k’wyd*.

Существуют и другие опыты этимологического анализа рассматриваемого топонима. Т. А. Гуриев высказал предположение о наличии в нем кавказского показателя множественности *-ag*, наличного, по его мнению, также и в этнониме *dygur* ‘дигорцы’ [Гуриев 1963: 91].

В кавказских языках действительно представлен суффикс множественного числа *-ag*, ср. абхаз., лезгин., табасар. *-ag*, чечен. *-(h)ag*, бацбийс., арчин. *-og*, сван. *-äg* и т.д. [Чирикба 1985: 95-96]. Более того, в топонимии Грузии отмечен топоформант *-ag* (с вариантом *-al*) [Бедошвили 1972: 123], который, однако, по происхождению вряд ли связан с этим суффиксом. Кавказский суффикс *-ag* вполне мог оставить след и в топонимии Осетии и, в частности, весьма уместен в составе анализируемого топонима. Но для того, чтобы во второй части топонима *к’wydar* признать именно этот суффикс, необходимо, чтобы и для корня *к’wyd-* было найдено удовлетворительное объяснение на кавказской почве. К сожалению, Т. А. Гуриев оставил рассматриваемый корень без этимологии. Оставил он без внимания и многочисленные осетинские топонимы, содержащие суффикс *-ag*, корни которых имеют прозрачную осетинскую или иранскую этимологию (см. ниже). А это свидетельствует против инационального происхождения суффикса *-ag*.

Сравнительно недавно появились статьи Н. Г. Джусойты, в которых, в числе прочего, затронут и вопрос о происхождении рассматриваемого топонима. Н. Г. Джусойты, как и Т. А. Гуриев, выделяет в нем компонент *-ag*, который, как и Т. А. Гуриев, но без ссылки на него, сопоставляет с окончанием *-ur* в этнониме *dygur*. Однако выделенное *-ag / -ur* Н. Г. Джусойты, в отличие от Т. А. Гуриева, возводит к

этнониму «арий», который, в свою очередь, возводит к иранскому прототипу *vāra- (вара) [Джусойты 1995; Джусойты. 1992].

Этимология Н. Г. Джусойты идет вразрез с исторической фонетикой осетинского языка и не учитывает принятой в науке этимологии этнонима «арий». Во всех известных на сегодняшний день иранских и индоарийских языках этноним «арий» встречается либо в форме агуа-, āguā-, либо отражает ее рефлексы [Bartholomae 1961: 198; Абаев 1995: 671–676; Бенвенист 1995: 77 и сл., 236, 237, 240–243; Дюмезиль 1986: 173–192; Расторгуева, Эдельман 2000: 222–224]. Нет ни одного индоиранского языка, в котором бы интересующий нас этноним встречался в форме *ar, т.е. без конечного элемента -у(-i). Это очень важное обстоятельство, ибо древнеиранское сочетание *ru (ri) в осетинском языке регулярно отражается в виде l(l). Таким образом, если оставаться в рамках исторической фонетики осетинского языка, то осетинское сочетание -ar никак не может быть возведено к иранскому *агуа- ‘ариец’.

Правда, в некоторых скифо-сарматских наречиях сочетание *ru имело и другие варианты развития. Академик Я. Харматта установил, что в различных наречиях скифского и сарматского языков иранская основа *агуа-, помимо рефлекса al-, дала еще и рефлексy аг-у-, ir-, il- [Harmatta 1970: 77–82]. Но, во-первых, осетинский язык не является продолжателем этих скифо-сарматских диалектов, и суффикс -ar- пришлось бы признать заимствованием. А во-вторых, даже в случае заимствования из формы *-ar-у- в современном осетинском языке ожидали бы форму *-ari / *-ary для именительного падежа. Поскольку в именительном падеже мы имеем форму ar, гипотезу о связи рассматриваемого суффикса с этнонимом «арий» следует исключить полностью.

Что касается этимологии арийской основы *агуа-, то ее уверенно возводят к индоевропейской *агуо- [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 755; Расторгуева, Эдельман 2000: 222], а к иранской *vāra- она, разумеется, не имеет никакого отношения.

Наконец, в 2000 г. появилось исследование П. Козаева, в котором этноним k'wydar выводится из названия гуннов-кидаритов [Козаев 2000: 130-131]. При этом автора совершенно не интересуют ни исторический, ни лингвистический аспект предложенного им сопоставления. Я уже не говорю о том, что этимология, ориентированная на этноним k'wydar, заведомо ошибочна.

В 1990 г. в статье, опубликованной в осетинском журнале «Фидиуæг», мы предложили свою этимологию топонима K'wydar [Дзиццойты 1990]. С тех пор в различных публикациях на русском и осетинском языках мы не раз возвращались к нашей этимологии, развивая отдельные ее положения (см. библиографию). Наша этимология нашла отражение в ряде работ по истории Осетии [Блиев, Бзаров 2000: 67, 94, 166; Чочиев 2000: 98; Туаллагов 2006: 40]. Кроме того, в докладе, прочитанном 22 ноября 2002 г. на международной конференции по алановедению (Аррас, Франция), мы вынесли основные положения этой этимологии на суд французских коллег, и нашли сочувственный отзыв в выступлениях профессоров Ф. Корнильо и Ж.-П. Корвизье. Настоящая публикация является первым опытом развернутого и цельного изложения предложенной нами этимологии.

4. Суффикс -аг в осетинском языке

Как видно из сопоставления топонима К'wudar с «этнонимом» kowdētk, первый из них допускает членение на К'wud-аг, где компонент -аг – это суффикс. В современном осетинском языке нет такого суффикса, однако, как показывает анализ, он широко представлен как в ономастической, так и апеллятивной лексике осетинского языка. Рассмотрим сначала данные топонимии.

Суффикс -аг, помимо топонима К'wudar, встречается в составе целого ряда других топонимов. Сюда относятся (в Северной Осетии): Æmǧ-аг, К'as-аг-а – название ущелья, Džim-аг-а – название селения, Хурр-аг-а – название пастбища, Dзам-аг-ас [Цагаева 1975: 61], Madz-аг, Malx-аг-æ-ju qæd, Мæс'-аг-aw-džyn, Kol-аг, Gæt-аг, Mælǧ-аг, Sul-аг-tæ, Tatx-аг-а, Qар-аг-а. Сюда относятся и следующие названия населенных пунктов в Южной Осетии: Viq-аг, С'et-аг и, возможно, С'un-аг. Ср. также название теснины Qas-аг-а у истоков реки Терек и ороним Qud-аг-ty хох 'гора Кудар' в Кудском ущелье Южной Осетии (ныне административно входит в состав Душетского района Грузии).

Правомерность вычленения компонента -аг в перечисленных топонимах подтверждается наличием в топонимии и антропонимии Осетии параллелей к их корням. Так, топоним К'as-аг-а по происхождению неотделим от топонима К'as-а-гом в Северной Осетии [Цагаева 1975: 116], буквально означающего 'ущелье Къас(а)'.

Топоним Dзам-аг-ас связан, с одной стороны, с топонимами Dзам-а, Dзам-а-гом 'ущелье Дзам(а)', Dзам-иг-а, а с другой - с топонимом Dзам-ас в Южной Осетии [Беджызаты 1958: 347]. Особенно показателен последний из них, содержащий тот же непродуктивный суффикс -ас, что и топоним Dзамарас, а также топоним С'imas. Вся разница между топонимами Dзам-аг-ас и Dзам-ас заключается в наличии в первом из них интересующего нас форманта -аг.

Топоним Æmǧ-аг неотделим от топонима Æmǧ-он, встречающегося в эпической географии осетинского нартовского эпоса [НГЭ: 258]. Компонент -он в последнем из них – это хорошо известный осетинский суффикс.

По отделении форманта -аг в ойкониме С'unаг получаем корень С'un-, который трудно отделить от следующих осетинских топонимов: С'on, С'on-ух-sа, С'on-ǧuz, Us-с'on-tæ, С'un-ух-а.

Название покосного участка Madz-аг в Северной Осетии трудно отделить с одной стороны от фамильного имени Madz-а-tæ «Мадзаевы», а с другой – от топонимов Madzaty zæxxytæ 'земли Мадзаевых' и Madz-а-skæ. Последний из этих топонимов содержит распространенный в топонимии Северной Осетии непродуктивный топоформант -sk- [Цагаева 1975: 157, 158, 347].

В первой части топонима Мæс'-аг-aw-džyn А. Д. Цагаева справедливо видит осетинское слово тæс' 'лыко' [Цагаева 1975: 91, 158]. Этот пример особенно показателен, так как формант -аг оказался в окружении, с одной стороны, осетинской основы (тæс'), а с другой – двух продуктивных осетинских формантов (-aw-džyn).

В первой части топонима Tatx-аг-а А. Д. Цагаева справедливо видит осетинское (дигорское) tatxa 'грядка' [Цагаева 1975: 96]. Это же слово в топонимии Дигории встречается и с другими формантами: Tatxa-tæ, Tatxa-wat [Цагаева 1975: 358].

Наконец, компонент Qud-ar-tæ в орониме Qudarty хох, несомненно, является производным от топонима Qud – название ущелья, в котором и находится названный ороним.

Как видим, непродуктивный суффикс -арсочетается и с живыми осетинскими словами (mæc', tatxa), и с корнями, происхождение которых неясно (Æmġ-, K'as-, Madz-, Dzam-, Qud, C'un-). Первая группа примеров может свидетельствовать об осетинском происхождении суффикса -ар. Этому выводу не противоречит и вторая группа примеров, в которой неясные по происхождению корни находят точные параллели среди созвучных топонимов Осетии. При этом важно подчеркнуть, что в ряде случаев неясный по происхождению корень сочетается либо с живым осетинским словом (K'as-a-gom), либо с осетинским суффиксом (Æmġ-on, Madza-tæ).

С другой стороны, суффикс -ар иногда сочетается с другими продуктивными (-ar-tæ, -ar-aw-džyn, -aræ-ju) или непродуктивными (-ar-a, -ar-as) аффиксами осетинского языка, что также не противоречит догадке об исконно осетинском характере суффикса -ар.

Особый интерес представляют для нас топонимы с компонентом -ар, корни которых созвучны с осетинскими антропонимами. Выше мы уже привели одно из таких соответствий: топоним Madzar созвучен не только с топонимом Madzaskæ, но и с фамильным именем Madzataæ, а также с отфамильным топонимом Madzaty zæxxytæ 'земли Мадзаевых'. Этот факт однозначно свидетельствует в пользу того, что и в топониме Madzar скрывается основа фамильного имени Madzataæ.

С другой стороны, топоним Džim-ar-a можно сопоставить и с ойконимом Džim-i и оронимом Džim-i-gom 'ущелье Джим(и)' в Северной Осетии, а также с фамильным именем Džim-i-tæ «Джимиевы».

Точно так же топонимы Kol-ar и Mælg-ar (из *Mærg-ar) можно сопоставить с фамильными именами Kol-o-tæ и Mærg-i-tæ, а топоним Gæt-ar – с антропонимом Gæt-æg.

Не означает ли сказанное, что топонимы Madzar, Džimara, Kolar и т.п. были родовыми поселениями соответственно Мадзаевых, Джимиевых, Колоевых, Маргиевых и Гатаевых, и буквально означали что-то вроде «Мадзаево», «Джимиево», «Колоево», «Маргиево», «Гатаево»? Иными словами, не придавал ли суффикс -ар топонимам, в которых он встречался, значение принадлежности того или иного географического объекта (луг, покосный или земельный участок, населенный пункт и пр.) субъекту (фамилия или отдельный человек), имя которого выступает в качестве производящей основы данного топонима?

После того, как настоящий вывод был сформулирован в одной из наших публикаций [Дзиццойты 1997: 125–126], известный осетинский филолог-топонимист З. Д. Цховребова обнаружила следы рассматриваемого суффикса еще в одном осетинском ойкониме – в названии селения Salbiar в Ленингорском районе Южной Осетии [Цховребова 2007: 14–15]. В прошлом в этом селении проживали представители фамилии Sælbitæ «Салбиевы». В настоящее время Салбиевы проживают в Северной Осетии. Но в селении Дзалиси, что в Душетском районе Грузии, соседствующем с Ленингорским районом Южной Осетии, встречается фамилия Salbišvili (т.е. те же Sælbitæ «Салбиевы»), которые, как правильно отмечает З. Д. Цховребова, являются частью Салбиевых, выселившихся из Салбиара.

Следовательно, Salbiar – это «Салбиево», «(место жительства / поселение) Салбиевых».

Обратимся теперь к следам суффикса -ar в других разрядах осетинской ономастики.

Как отметила З. Г. Исаева, суффикс -ar налицо и в осетинской антропонимии [Исаева 1986: 52]. Правда, часть антропонимов, в которых З. Г. Исаева усматривает данный суффикс, на самом деле являются заимствованиями из других языков. Наиболее интересным в собранном ею материале является дигорское имя Dzular. По отделении суффикса -ar, мы приходим к корню Dzul-, который, на наш взгляд, следует усматривать и в дигорском женском имени Dzul-e, восходящем к дигорскому слову i-dzul-un 'радоваться, быть веселым'.

К приведенному у З. Г. Исаевой материалу следует добавить еще один весьма показательный пример. Согласно преданию, предок рода Muzi-a-tæ в Южной Осетии носил имя Muz-ar [ИАА, III: 237–239].

Кроме того, общеосетинское фамильное имя Æğwyz-a-tæ известно в Северной Осетии и в форме Æğwyz-ar-tæ. Далее, наряду с очень редким женским именем Gwyb-ar и фамильным именем Gub-ar-tæ в осетинской антропонимии известно и фамильное имя Gwyb-e-tæ и мужское имя Gwyb-e.

Дополнительный материал можно извлечь из сопоставления осетинских фамильных имен, собранных в работе З. Д. Гаглоевой. Ср.: Bit-e-tæ // Bit-ar-tæ, Dud-aj-tæ // Dud-i-a-tæ // Dud-ar-a-tæ, Suğ-a-tæ // Suğ-ar-tæ, Tum-an-tæ // Tum-ar-a-tæ, Fatdz-a-tæ // Fatdz-ar-tæ [Гаглоева 1990: 11, 16, 29, 31, 32].

Весьма интересна также осетинская (дигорская) поговорка: Sağæs Sağæsarætæ kindzi ærcudæj 'Грусть за Печальника замуж вышла'. Здесь имя персонифицированной «Печали», Sağæs-ar-æ, образовано от имени его «супруги», персонифицированной «Грусти» – Sağæs, нарицательно означающего 'дума, беспокойство', с помощью интересующего нас суффикса -ar (дигорский вариант которого – -aræ).

Нельзя обойти молчанием и теоним Budzumar – имя сына покровителя домашнего скота Фалвары [ХИФ 1940: 170; ИАС, II: 449; Ф 1994, № 1: 95], вариантом которого является форма Dzudzumar [Къубалты 1978: 174; ИАС, II: 56]. Это же имя имеет и другие варианты, позволяющие вычлени в первых двух вариантах суффикс -ar: Gudzuna [Малиты 1973: 82; ПНТО 1992: 104, 105] и Vuzuna [ПНТО 1992: 61].

Приведенный антропонимический материал ценен в том отношении, что он свидетельствует против значения множественности у суффикса -ar. В самом деле, сопоставление имени Muzar с фамильным именем Muziatæ, где первое является названием одного человека, а второе, напротив, – коллектива, ясно показывает, что интересующий нас суффикс не имеет грамматического значения множественного числа. Об этом же говорят имена Gwybar, Dzular и др.

Обратимся теперь к апеллятивной лексике осетинского языка. В свое время В. Ф. Миллер усматривал суффикс -ar в таких осетинских словах, как хædzar, сағар, хуссар, хæлар, халсар, фидар, хабар [Миллер 1882: 111–112]. Впоследствии выяснилось, что слова хæлар и хабар являются заимствованиями, а слова сағар, хуссар, халсар и фидар имеют совершенно иную морфологическую структуру. И только в слове хædzar 'дом', на наш взгляд, можно, вслед за В. Ф. Миллером, видеть суффикс -ar.

В. И. Абаев приводит несколько этимологий слова *xædzar*, ни одну из которых не считает надежной [Абаев 1989: 160–161]. В то же время осетинский ученый пишет: «Соблазнительно видеть в первой части отзвук хорошо известного иранского *kata* ‘дом’» [Абаев 1989: 160]. Но иранское **kata-* в осетинском могло отразиться только как **kæd*.

Для того чтобы иранская **t* в осетинском отразилась в виде звонкой свистящей аффрикаты, необходимо, чтобы за нею следовала фонема **y(i)*, ср. осет. *yssædz* ‘двадцать’ из иранского **vinsati-* [Абаев 1989: 277]. Наличие этой же фонемы объяснило бы и переход **k-* в *x-*, ср. осет. *xæfs* ‘лягушка’ из иран. **kasyara-* [Абаев 1989: 162-163].

Таким образом, если для осетинского *xædz(ar)* исходить из производной древнеиранской основы **kat-ya-*, то легко объяснить и форму и значение осетинского слова. Суффикс **-ya-* придавал значение притяжательности. Следовательно, первоначальное значение корня *xædz-* могло быть «имеющий отношение к дому», т.е. «пристройка»? К этому корню со временем и был присоединен интересующий нас суффикс.

Другой пример использования суффикса *-ar* в апеллятивной лексике осетинского языка Э. А. Грантовский видит в слове *ældar* ‘господин; князь’. Отклонив все существующие этимологии данного слова, российский иранист предложил видеть в корне *æld-* (из более ранней формы **ærd-*) древнеиранское **arz-* (> **ard-*), ср. авест. *arəzah-* ‘бой, сражение; боевой ряд’ [Грантовский 1970: 215; Grantovsky 2006: 70–71].

Суффикс *-ar* налицо и в слове *sænar* ‘кизяк, заготовленный в виде спрессованных плиток’. Для первой части этого слова В. И. Абаев предложил вполне убедительную этимологию: ср. сакское *sanī* ‘экскременты’. Говоря об оставшейся части, В. И. Абаев пишет: «Образование (*-ar*) не вполне ясно», и далее с сомнением возводит ее к осет. *art* ‘огонь’ [Абаев 1979: 68]. Однако ничто не мешает видеть в этой части интересующий нас суффикс.

Осет. (диг.) *k’oxar* ‘весло’ В. И. Абаев разлагает на *k’ox* ‘рука’ и *arm* ‘рука’ [Абаев 1958: 637-638]. Вполне возможно, что и в этом слове следует видеть суффикс *-ar*, а образование в целом имело значение «относящийся к руке».

В первой части слова *k’wybar* ‘ком, комок’ Д. И. Эдельман видит др. иран. **kaur-* [Эдельман 1986: 137]. В оставшейся без объяснения части (*-ar*) следует видеть интересующий нас суффикс.

Слово *tæssar* ‘поворот, склон, косой, идущий наискось’ В. И. Абаев разлагает на *natæs-sar*, где первая часть связана с глаголом *tasyn* ‘гнутья’, а вторая – это формант, встречающийся еще в слове *xussar* ‘южный склон’ [Абаев 1979: 281]. Данная этимология не представляется нам убедительной. Если в этом слове усматривать суффикс *-ar*, то в компоненте *tæss-* можно видеть др. - иран. **tars-*, отложившееся, например, в афганском *tərs* ‘наклонный’. Для ассимиляции **-rs-* > *-ss-* ср. *xæssyn* ‘нести’ из иран. **karš-*, а также топоним *Qossa* рядом с топонимом *Qorsa* [Цагаева 1975: 175, 203].

Как видно из этих примеров, суффикс *-ar* отложился и в апеллятивной лексике осетинского языка, причем в большинстве случаев он присоединялся к основам исконно иранского происхождения (*xædzar*, *ældar*, *sænar*, *k’wybar*, *tæssar*) и лишь в одном случае – к основе кавказского происхождения (*k’oxar*). Это может означать, во-

первых, что суффикс -аг – исконно иранского происхождения, во-вторых, что он был продуктивен и в кавказский период истории осетинского языка. Следовательно, мы вправе искать для суффикса -аг иранскую этимологию. Такая этимология существует и принадлежит она Э. А. Грантовскому.

Говоря об этимологии осетинского слова *ældar*, Э. А. Грантовский возвел суффикс -аг к древнеиранскому суффиксу *-āra [Грантовский 1970: 215]. В другом месте этот же ученый отметил, что древнеиранский суффикс *-āra, представленный в иранских именах из древней Передней Азии, является вариантом общеиранского (и общеиндоевропейского) суффикса прилагательных *-ra, другим древнеиранским вариантом которого является форма -ara [Грантовский 1970: 122–123, 215, 247]. Уже на индоевропейской почве суффикс *-ro- (> иран. *-ra-) встречается и в форме *-ego- [Мейе 1938: 278], которая в общеиранском могла дать только рефлекс *-ara. В древнеиндийском (ведийском) языке интересующий нас суффикс также представлен несколькими вариантами, о которых Т. Я. Елизаренкова пишет: «Вся эта малая серия суффиксов с -r- в качестве опорного элемента имеет соответствующие варианты с -l-, малоупотребительные в Р[иг]В[еде] и постепенно распространяющиеся, в дальнейшем образуя самостоятельную серию: -la-, -lā-, -ala-, -āla-, -ila-, -ula-, -vala-» [Елизаренкова 1982: 152]. Следовательно, интересующие нас варианты и.-е. суффикса *-ro могли возникнуть, как минимум, в общеарийскую эпоху.

Как видно из ономастики иранских народов Передней Азии, суффикс *-āranередко присоединялся к тем же основам, что и суффикс *-ka [Грантовский 1970: 122–123, 257]. В этой связи отметим, что совершенно аналогичное явление имеем в осетинском, где рядом с топонимом *Gæt-аg* находим антропоним *Gæt-æg* (см. выше), в котором суффикс -æg восходит к иранскому суффиксу *-ka.

Для вариантов иранского суффикса -ra // -ara // -āra ср. совершенно аналогичные варианты двух других иранских суффиксов: -ka // -aka // -āka и -na // -ana // -āna. Уже на индоевропейской почве суффикс *-no- (> иран. *-na-) встречается и в форме *-eno- / *ono- [Мейе 1938: 275–276]. Любопытно отметить, что в осетинском языке нашли отражение все три варианта двух последних триад, это, соответственно, -g(-k) // -æg // -ag и -n // -æn // -on(-an). Любопытно также, что первые члены этих триад (-g[-k], -n) в современном осетинском языке являются непродуктивными суффиксами [Абаев 1949: 573–574; Абаев 1958: 498; Абаев 1973: 125–126], тогда как два последних члена (-æg // -ag, -æn // -on) – продуктивными. Это дает основание предполагать наличие в осетинском языке также и рефлексов всех трех вариантов иранского суффикса -ra // -ara // -āra.

Действительно, в осетинском языке находим не только непродуктивный суффикс -аг, но и непродуктивный суффикс -г, отложившийся, например, в словах *bazyg* ‘крыло’ из иран. *bāzu-ra, *syx* ‘красный’ из иран. *sux-ra, *swag* ‘минеральный источник’ из иран.(?) *srāwa-ra и т. д. [Миллер 1882: 111; Миллер 1962: 147; Абаев 1979: 179]. Особо следует отметить, что рядом с осет. *bazyg* ‘крыло’ находим *bazyg* ‘рука’, заключающее ту же иранскую основу, но оформленную суффиксом -ka: *bāzu-ka [Абаев 1958: 242]. Таким образом, перед нами еще один случай наращения суффиксов -га и -ка на одну и ту же иранскую основу.

Для полноты соответствий необходимо, чтобы в осетинском языке были обнаружены также и следы варианта *-ara, рефлекс которого в осетинском языке мог иметь только форму -æg. Наши ожидания оправдываются и на этот раз:

непродуктивный суффикс -æг впервые выделен В. Ф. Миллером [Миллер 1882: 112]. Правда, В. И. Абаев не решился последовать за В. Ф. Миллером, а в тех случаях, когда этот суффикс явно напрашивался на роль самостоятельного аффикса, ограничивался следующими замечаниями: «формант -æг не известен» [Абаев 1958: 630], «суффикс -æг в осетинском не распознается» [Абаев 1989: 231]. Однако, как мы пытались показать в одной из наших работ, этот суффикс четко распознается как в апеллятивной (*æxsævær, k'æbær, k'æsær*), так и в ономастической лексике (*Gul-æг, K'ox-æг-у byn, Lwær (<*Raw-æг), Mul-æг, Twar (<*Taw-æг), Sos-æг-an*) осетинского языка [Дзицойты 1997: 123–124].

Таким образом, в осетинском языке нашли отражение все три триады указанных выше иранских суффиксов, причем рефлекс первой триады (-ra // -ara// -āra) являются непродуктивными. Исходя из сказанного, можно прийти к закономерному выводу о том, что и основа топонима *K'wydaг* является иранской. Однако прежде чем перейти к обоснованию этой догадки, необходимо ответить еще на один вопрос. Выше отмечалось, что иранская триада суффиксов -ra // -ara// -āra нашла отражение в антропонимии иранских народов. Но поскольку в данной работе нас интересует совершенно другой разряд ономастики, следует выяснить, не использовалась ли данная триада суффиксов для образования топонимов? К счастью, и на этот вопрос мы можем дать положительный ответ. Рассмотрим несколько примеров.

Область *Skudra* на западе Скифии, известная нам из древнеперсидских надписей, по мнению О. Семереньи (см. ниже), содержит интересующий нас суффикс -га.

Древнерусское областное и племенное название *Сёверь* этимологизируют на базе скифо-сарматских наречий как образование от апеллятива **s(y)āva-* ‘черный’ [Топоров, Трубачев 1962: 226] с помощью суффикса -ерь, отражающего иранский суффикс -га [Орел, Осипова 1989: 146].

Гидроним *Тускорь // Тускарь // Тускар* в Верхнем Поднепровье предположительно выводят «из иран. **tusk-* ‘пустой’, распространенного суффиксом -ага» [Топоров, Трубачев 1962: 227]. В компоненте **tusk-* можно видеть и другое слово – этимон современного осетинского *tusk'a | tusk'a* ‘кабан’. Т.е. *Тускарь* – ‘Кабанья (река)’.

Этот же суффикс можно видеть в ряде других гидронимов из Верхнего Поднепровья, этимология которых считается невыясненной. Гидронимы *Харабра // Харабрь* (приток Сейма) и *Хорабра // Хоробра // Храбра* (приток Роси, приток Днепра), в целом считаются неясными, однако компонент *хар // хор* предположительно связывается с иранским *har-* ‘течь’ [Топоров, Трубачев 1962: 227, 228]. Если так, то перед нами иранский композит **har-āra-* ‘текущая вода’, осложненный интересующим нас суффиксом -га. Рассматриваемый гидроним известен и без этого суффикса – это гидроним *Херобий* (**har-āra-*) в Древнем Закавказье, в пределах страны колхов (по Псевдо-Скилаку Кариандскому) [Дзицойты 2003: 194-195]. И по значению, и по словообразовательной структуре, и по происхождению обоих компонентов реконструированному **har-āra-* в точности соответствует прусский гидроним *Sar-ape*, литовско-польский гидроним *Szar-upa*, о которых см. [Георгиев 19582: 106].

Один из притоков Дуная, по Геродоту (IV, 48), носил название *Nálaris*, которое, по мнению В. И. Георгиева, было скифским. Этимологически оно связано с авестийским словом *parpa-* ‘влажный’ (из индоевропейского **sner-*) [Георгиев 19581:

255]. Если отбросить еще и греческий суффикс -ις, то оставшийся элемент -аг можно связать с интересующим нас топоформантом: иран. *hnap-aga > скиф. *nap-ar-.

В непосредственной близости от Напариса Геродот (IV, 48) упоминает другой приток Истра – Арар (Ἄραρος), в названии которого можно видеть иранское *har-aga, букв. ‘текущая, струящаяся’.

Еще один приток Истра носил название Αύρας (Геродот IV, 49). Его можно возвести к скифскому прототипу *au-ga-, в основе которого следует видеть древнеиранское *au- ‘течь’, о котором см. [Расторгуева, Эдельман 2000: 256]. Гидроним Аврас также означает ‘текущая, струящаяся’.

Река Березань у Овидия известна под (сарматским?) названием Sagaris, а у Плиния под названием Saggarius. В. И. Абаев этимологизирует данный гидроним как «(река,) где находят (ar) оленей (sag)» [Абаев 1949: 154, 180]. Не оспаривая этимологию первой части, мы хотели бы высказать предположение о наличии во второй части занимающего нас суффикса. В этом случае этимологическое значение гидронима будет ‘Оленья (река)’. Ср. выше Тускарь ‘Кабанья (река)’.

В европейской части России известны гидронимы Уда, Уды, Удыч, Удра, связанные по происхождению с иранской (скифской) основой *auda- : uda- ‘родник, источник; вода’ [Георгиев 1951, 260; Дзицойты 2003: 199–200]. Компонент -ра в последнем из них является интересующим нас суффиксом.

Топоформант -аг можно вычленил и в аланском топониме Cadaar(i) – название округа в Западной Алании, откуда выводят свой род предки грузинской фамилии Церетели. В основе топонима скрывается осетинский апеллатив cad ‘озеро’ [Кузнецов 1992: 191].

Подводя итоги, отметим, что в осетинском языке четко прослеживается непродуктивный суффикс -г // -æг // -аг, восходящий к иранскому суффиксу прилагательных -га // -ага // -āга. Для нашей темы особенно важно, что следы этого суффикса обнаружены в топонимии и гидронимии Скифии и Алании. Во всех случаях употребления данного суффикса в топонимии производящая основа имеет вполне надежную иранскую этимологию. Отсюда следует, что и основа топонима К’wyd-аг может иметь иранское происхождение. Об ее значении можно составить предварительное представление. Для этого следует учесть тот факт, что в тех случаях, когда осетинский топоним, содержащий суффикс -аг, является этимологически прозрачным, его производящая основа чаще всего оказывается либо именем собственным (Gætarg), либо основой фамильного имени (Kolar, Mælgari пр.), и означает «место проживания (данной фамильной группы)». Следовательно, близкое значение могла иметь и основа топонима К’wydar, означая нечто вроде «Кудово», или «место проживания Кудов». Но кто такие «Куды»?

Рядом с перечисленной выше группой отфамильных топонимов существует форма множественного числа: Kolar – Kolotæ, Mælgar – Mærgitæ и пр. Последние члены этих пар и являлись названиями насельников тех территорий, которые обозначены их первыми членами. Отсюда видно, что в прошлом могла существовать еще одна аналогичная пара: К’wydar – *К’wydataæ, где второй член пары и был названием той группы населения, которая проживала в области К’wydar. В связи с этим наше внимание обращает на себя фамильное имя К’wydataæ «Кудаевы», встретившееся только в одной осетинской песне [ИАС, II: 612]. Однако отсутствие в словаре осетинских фамильных имен фамилии К’wydataæ [Гаглыева 1990] свидетельствует в

пользу того, что перед нами, скорее всего, патронимия, образованная сравнительно недавно от имени собственного *K'wyda. Следовательно, даже если этот антропоним и связан с рассматриваемым топонимом, то только по происхождению корня. Иными словами, топоним K'wydar не может быть производным от антропонима *K'wyda и не может означать «место жительства Куда (и его семьи)». Отфамильные топонимы с суффиксом -ar, как правило, являются ойконимами. Топоним K'wydar же является названием и ущелья, и всей Южной Осетии. Следовательно, в его основе должно лежать название коллектива, являющегося более значительной частью общества, нежели патронимия или даже фамилия (род). Таким коллективом мог быть этнос или какая-то его часть и, следовательно, в рассматриваемом топониме скрывается ныне утраченный этноним. Эта догадка находит подтверждение в рассматривавшемся выше «этнониме» кудет.

Нет сомнения, что топоним *K'udeti прошел через грузинское посредство. Компонент -et-i является широко распространенным по всей Грузии топоформантом. В микротопонимах, образованных с помощью этого форманта, производящая основа может быть и основой фамильного имени, и именем собственным. Но в названиях сравнительно крупных географических регионов, каковым, согласно «Армянской географии», была и область *K'udeti, а особенно регионов, населенных отличным от грузин этносом, производящая основа в подавляющем большинстве случаев бывает этнонимом. Ср. груз. Somxeti 'Армения' от somexi 'армянин', Oseti 'Осетия' от osi 'осетин' и т. п. Следовательно, и топоним *K'udeti мог быть образован от этнонима *k'ud- и означать «(страна или область,) населенная кудадами».

Таким образом, осетинский суффикс -ar и грузинский суффикс -et-i оказываются синонимами и допускают совершенно одинаковое толкование топонима K'wydar. Отсюда следует, что грузины, будучи соседями древних южных осетин, восприняв осетинское название территории, занимаемой южными осетинами (K'wydar), и зная о значении тогда еще продуктивного суффикса -ar, заменили его на свой, функционально тождественный топоформант (K'wydar > *K'udeti), как это произошло позднее, например, с топонимом Афганистан, принявшим в грузинском языке форму Avġan-et-i. Следовательно, в основе топонима K'wydar действительно следует искать этноним. Какой именно?

Для того чтобы избежать случайных и натянутых сопоставлений, необходимо восстановить этимон, не противоречащий нормам исторической фонетики осетинского языка.

5. Инициальная k' - в осетинском языке

Если топоним K'wydar действительно исконно осетинского происхождения, то в его фонетическом облике наиболее трудным для объяснения оказывается инициальная фонема k'. Что касается остальных фонем основы K'wyd- (этимологии суффикса мы уже не касаемся), то в их исторической интерпретации нет никаких проблем, и мы начнем именно с них.

Гласная u, перед которой смычная лабиализуется, по общему мнению специалистов, восходит к староосетинской фонеме *u и совпадает с дигорской u, которая в свою очередь восходит к иранской *u. Дигорский диалект в данном случае сохранил архаичную черту аланского языка. Следовательно, дигорская

форма K'udar совпадает с аланской формой. Именно эта аланская форма лежит в основе грузинской K'udaro и «армянской» Kowdētk. Из современной осетинской формы K'wydar в грузинском ожидали бы *K'w(i)darо. Ср. заимствованное из староосетинского *kurd 'кузнец' древнегрузинское grdemli (уже у Ш. Руставели, XIIв.), gurdemli 'наковальня; кузнечный молот', а из более поздней осетинской формы kwrdepli – современные грузинские формы kwrdepli 'наковальня', kvirdemli, kvrdemli 'твердый' (впервые у С. С. Орбелиани, XVIII в.) [Андроникашвили 1966: 64, 68, 71, 84–85]. Ср. также груз. (рачинское) gvinoли 'часть сохи' из осет. gwujnon, gwinoп 'верхняя часть сохи' [Ахвледиани 1960: 138–139; Андроникашвили 1966: 83].

Осетинская фонема d восходит и к иранской *d, и к иранской *t, стоящей в сонорном окружении.

Остается выяснить происхождение инициальной фонемы.

В иранских языках нет абруптивных фонем k', p', t', c', č'. Их наличие в современном осетинском языке объясняют влиянием соседних кавказских языков [Миллер 1882: 68–71; Thordarson 1989: 462]. Первоначально абруптивы встречались исключительно в составе заимствованных слов, однако со временем проникли и в исконно иранскую часть осетинского словаря, особенно в слова, имеющие экспрессивное значение [Абаев 1949: 522–524]. В каждом исконно осетинском слове, содержащем абруптивную фонему, последняя требует специального объяснения, как требует объяснения и фонема k' в основе K'wyd-.

Установлено, что в исконно иранской части осетинского словаря фонема k' появилась на месте иранской *k в следующих случаях:

а) по семантической причине: когда требуется подчеркнуть экспрессивный характер слова [Абаев 1949: 522–524];

б) по фонетической причине: т.е., когда иранской *k предшествует иранская *s (т.е. иран. *sk > осет. sk') [Миллер 1882: 71; Миллер 1962: 52; Абаев 1949: 524; Bielmeier 1977: 35–36; Эдельман 1986: 137; Thordarson 1989: 462];

в) по неясным пока причинам: иранская *k, стоящая в сонорном окружении, в аланском языке закономерно перешла в *g, а эта последняя, в свою очередь, в абруптив k'.

Какой из этих вариантов развития следует предположить в рассматриваемом топониме? Первый вариант развития следует исключить сразу же, так как топоним K'wydar не имеет экспрессивного значения.

Что касается последней возможности (через этап аланской *g), то и ее придется исключить по следующим причинам. Во-первых, этот вариант эволюции иранской *k носил спорадический характер. Во-вторых, там, где он имел место, мы часто находим параллельное употребление двух форм, одна из которых имеет согласную g, а другая – k'. Это свидетельствует о молодом возрасте рассматриваемого перехода: ср., например, осет. sydžyt // sigit, sik'it 'земля' из иран. *sikita- [Абаев 1979: 187], goppa – k'орра 'головка' и пр.

Показательно, что в осетинских заимствованиях в кавказских языках осетинские слова, имеющие k' из *g, встречаются с аланским g, а не современным k'. Так, осетинское dærk' 'телка; годовалый козленок' (из иран. *dāraka-) отложилось в сванском языке в виде darg [Абаев 1958: 358, 655], что указывает на аланскую форму *dārg или *dārg. С осетинским dzæk'æп 'кизяк' (из иран. *sakana-) связано

балкарское *səgən* ‘кизык’ [Абаев 1958: 392], что указывает на аланскую форму **sägän*. Осетинское *sundak’æ* ‘шерстяная нить’ образовано *otsun-tagæ* [Абаев 1979: 169], второй компонент которого находится в свободном употреблении. Слово *sundak’æ* в аланское время усвоено в абазинский язык, где находим *šəndag* ‘толстая нитка (льняная, пеньковая, шерстяная)’.

Таким образом, переход аланс. **g > осет. k’* произошел слишком поздно, и топоним *K’wydar*, зафиксированный в «Армянской географии» VII в. н.э. в форме *Kowdētk*, не может восходить к праформе **Gudar*.

Остается возможность возведения фонемы *k’*- в рассматриваемом топониме к иранской группе **sk-*. Такая возможность вполне реальна, особенно если учесть, что в инициальной группе *sk’*- сибилант иногда утрачивается.

Развитие иран. **sk- > осет. k’*- впервые описано В. И. Абаевым на двух примерах. Осетинские слова *č’il // k’elæ* ‘обод; край’, ‘задняя часть ноги’ и *sč’il//sk’elæ* ‘складка; пятка’ по мнению В. И. Абаева, этимологически связаны между собой, отражая иранский архетип **skaiγa-* [Абаев 1958: 632–633; Абаев 1979: 124–125].

Второй пример, по мнению В. И. Абаева, менее очевиден. Осетинское (иранское) *č’ityn, č’icyn* ‘очнуться, приходить в сознание’ неотделимо от осетинского (дигорского) *æsk’etun* с тем же значением, но при этом иронская форма возводится к иранскому прототипу **kaiθ-*, а дигорская к **us-kaiθ-* [Абаев 1958: 634]. Но в этом случае абруптивная фонема иронской формы остается необъясненной. Правильнее было бы исходить из единого для обоих диалектов иранского прототипа **us-kaiθ-*, допустив для иронской формы утрату сибиланта.

Еще два примера, иллюстрирующих развитие **sk- > осет. k’-*, относятся к числу заимствованной лексики. Слово *k’abaz* ‘конечность; ветвь, ответвление’, по мнению Г. Бейли, связано с греческим *skapos*, латинским *scora* ‘небольшая ветка’ [Bailey 1980: 242]. Слово *k’ardiw* ‘обрыв’, по мнению В. И. Абаева, связано с литовским *skardis* ‘обрыв, обрывистый берег’ [Абаев 19952: 17].

Как мы пытались показать в одной из наших работ, примеры на интересующую нас фонетическую эволюцию этим не ограничиваются.

Слово *k’wymbil* ‘шерсть очищенная’ (противопоставляется неочищенной, которая называется *qwyn*) не получило удовлетворительной этимологии [Абаев 1958: 649]. Мы предлагаем видеть в компоненте *-il* суффикс, о котором см. [Абаев 1965: 80–81; Bielmeier 1977: 47]. Оставшуюся часть *k’wymb-* следует связать с иранской глагольной основой **skumb-*, рефлексy которой представлены в восточноиранских языках с наращением приставки **ava-* или **vi-* в значении ‘разбирать шерсть руками, тереть’, ‘взбивать шерсть лучком’: шугнанское *wiškamb-*, рушанское *škamb-*, хуфское *škamb-*, язгулямское *š’am(b)-*, ишкашимское *eiškamb-* [Эдельман 1987: 265, 278; Эдельман 1990: 96, 100].

Глагол *č’errp* (*kænpyn*) ‘отрезать, отсека́ть, отрубать; резать’ (старая форма – **k’errp*) также не получил удовлетворительной этимологии. В. И. Абаев считает его образованием на звукоподражательной основе [Абаев 1949: 523], а О. Г. Тедеева пытается связать с грузинским *k’er’-va* ‘отрезать, вырубать’ [Тедеев И. 1983: 189]. Поскольку, однако, грузинское слово само могло быть усвоено из осетинского, нам представляется возможным связать староосетинское **k’errp* с древнеиранским **skair-*, рефлексy которого в различных иранских языках означают ‘рвать’, ‘трескаться’ и пр.

Таким образом, историческая фонетика осетинского языка позволяет реконструировать этимон основы K'wyd- в двух формах: либо *skuda-, либо *skuta-. Поскольку из предыдущего анализа нам также известно, что данная основа могла быть этнонимом, наше внимание сразу же обращается к самоназванию скифов, реконструированному в виде *skuda-(ta-), с вариантами *škuda-(ta-), *skuda-(ta-), *škuḍa-(ta-). Обратимся к работам, содержащим этимологию этнонима «скиф».

6. Топоним K'wydaḡ и этноним «скиф»

Реконструкция самоназвания скифов осуществлена на основе изучения форм этнонима «скиф» в различных языках древности, к числу которых относятся:

а) Ассирийский, в котором название скифов и их страны встречается в следующих формах: aškuzai, askuzāi, ašguzi, asguzi или iškuzāi. Эти формы могут отражать только скифское *skuda- / *škuḍa- 'скиф', на которое уже на ассирийской почве наращено протетическое a-/i-. Озвончение k > g также произошло на ассирийской почве [Дьяконов 1956: 242-243; Грантовский 1970: 73, 87; Фрай 1972: 106; Szemerényi 1980: 7; Витчак 1992: 53].

б) Древнееврейский, в котором название скифов aškenaz, встречающееся в Ветхом Завете, представляет собой результат неточного прочтения этнонима 'škwz(*aškuz) при переписке, так как знаки для w и p в еврейском письме похожи. Еврейское 'škwz(*aškuz) также восходит к самоназванию скифов *skuda- [Дьяконов 1956: 242, 243, 246; Szemerényi 1980: 7; Витчак 1992: 53].

в) Древнегреческий, в котором этноним Σκύθαι 'скифы' также отражает скифскую форму škuḍa-. В период заимствования этого этнонима в греческом языке не было звонкого межзубного спиранта δ, наличие которого в самоназвании скифов несомненно, поэтому он был заменен на имевшийся в греческом языке соответствующий глухой межзубный спирант θ. По этой же причине скифское название реки Дон (*Dān-) в греческий язык вошло в форме Ταναῖς. Из греческого языка название скифов литературным путем заимствовано во все европейские языки, включая русское скиф [Дьяконов 1956: 243; Szemerényi 1980: 16–17; Витчак 1992: 53].

г) Сколотский диалект скифского языка, в котором, согласно свидетельству Геродота (IV, 6), самоназвание скифов звучало Σκόλοτοι, и было производным якобы от имени царя. И хотя Геродот не привел имени этого царя, в другом месте его сочинения (IV, 76 и 78–80) упоминается царь скифов по имени Σκύλης, что позволило предположить, что у Геродота или его информанта речь шла именно о нем. Однако ныне установлено, что не этноним сколоты является производным от имени Скулес, а наоборот – имя царя восходит к той же основе, что и соответствующий этноним, а именно: скифская диалектная форма самоназвания скифов – *skula-ta- (или *škula-ta-), отражающая переход -d- (> -ḍ-) > l, характерный для диалекта господствовавшего в Скифии племени, а также для ряда восточноиранских языков. В конечном -тоi скрывается показатель множественного числа в скифском и некоторых других восточноиранских языках. Следовательно, зафиксированная Геродотом форма *skula-ta- предполагает более старую общескифскую форму *skuda-ta- [Дьяконов 1956: 243; Дьяконов 1981: 99; Грантовский 1960: 20; Грантовский 1970: 89-90, 175; Szemerényi 1980: 21-22; Comillot 1981; Раевский 1985: 216; Дудко 1988: 169; Витчак 1992: 52-53].

Учитывая, что этноним «сколоты» получил в научной литературе различные этимологические интерпретации, ниже мы позволим себе несколько подробнее задержаться на переходе $d > l$ в части скифских диалектов.

д) Древнеперсидский, в котором Западная Скифия и ее жители известны под названием Skudra. Этот топоним В. Томашек еще в 1883 г. сопоставил с этнонимом Σκόλοτοι, не задержавшись подробно на фонетической стороне вопроса [Tomaschek 1883: 227]. Несмотря на данное сопоставление, топоним Skudra долгое время считался названием персидской провинции Фракии и Македонии [Kent 1953: 210]. И лишь в 1980 г. О. Семереньи удалось доказать, что топоним Skudra состоит из самоназвания скифов skuda- и суффикса -ra, о котором подробно говорилось выше [Szemerényi 1980: 21, 23–26].

Топоним Skudra особенно важен для нашего анализа, так как он содержит оба компонента, отложившихся в топониме K'wydar. Единственное их отличие состоит в том, что в осетинском топониме суффикс -ra представлен в виде варианта -āra, и, стало быть, отражает этимон *Skudāra.

Таким образом, анализ, основанный на строгом учете данных исторической фонетики и исторической морфологии осетинского языка, привел нас к выводу, что осетинский топоним K'wydar (староосетинский *Skudāra), как и скифский топоним Skudra, в буквальном переводе со скифского означает «Скифская (область/земля)».

По аналогии со скифским языком, где рядом с топонимом Skud-ra, обозначающим территорию, населенную скифами, существовало название самих скифов – *skuda-ta-, можно предположить, что рядом с осетинским K'wydar в прошлом существовало племенное название *k'wydatae 'скифы'. Об этом же свидетельствует сопоставление перечисленных выше отфамильных топонимов Осетии, содержащих суффикс -ag, с соответствующими фамильными именами, исходящими на -tæ. Традиция называть занимаемую территорию словом, являющимся производным от самоназвания патронимии, рода или племени, заложенная скифами еще на их прародине, активно развивалась скифо-сарматскими племенами и на Кавказе вплоть до недавнего времени.

7. Топоним K'wydar и историко-диалектологическая классификация иранских языков Северного Причерноморья

Однако вернемся к обсуждению скифского перехода $*d > l$. В последнее время ряд исследователей высказывается в пользу того, что данный переход был характерен не только для одного сколотского диалекта, а для скифского языка в целом. Стало быть, скифский язык относится к южной подгруппе восточноиранских языков и генетически не связан с осетинским, который относится к северной подгруппе. Если это так, то предложенная нами этимология теряет всякий смысл. Данное обстоятельство вынуждает нас разобраться в аргументах сторонников новой историко-диалектологической атрибуции скифского языка.

В свое время Геродот указал на скифское происхождение сарматского языка (Hrd. IV, 110-117). Из этого указания вытекает вывод о генетическом родстве двух этих языков. Но вопрос о степени их родства нельзя считать окончательно решенным.

К середине прошлого столетия общее количество достоверно установленных иранских элементов в ономастике Северного Причерноморья достигло такой массы, что уже можно было ставить вопрос о диалектном членении внутри скифо-сарматских наречий. На основе фонетических данных венгерский иранист Я. Харматта попытался отделить сарматский языковой материал от скифского, а внутри сарматского выделил четыре самостоятельных диалекта [Harmatta 1970]. Словацкий иранист Л. Згуста также пытался отделить скифский материал от сарматского, считая их диалектами одного языка [Zgusta 1955: 245-266]. Позже российский иранист Э. А. Грантовский привел убедительные аргументы в пользу выделения сколотского диалекта в скифском языке. Основным аргументом для обоснования данной позиции послужил переход $*d > l$, обнаруживаемый в определенной части скифского ономастического материала. Поскольку данный переход характерен для южной подгруппы восточноиранских языков (бактрийского, афганского, мунджанского и йидга), сколотский диалект был признан принадлежащим к этой подгруппе [Грантовский 1960; Grantovsky 2006: 68].

Выводы Э. А. Грантовского повторены в исследовании К. Т. Витчака. Однако в отличие от Э. А. Грантовского, работы которого остались для К. Т. Витчака неизвестными, польский ученый отнес к южной подгруппе скифский язык целиком [Витчак 1992]. Мнение К. Т. Витчака разделяет и развивает российский ученый С. В. Кулланда [Кулланда 2006; Kullanda 2006].

Обратимся к тем чертам фонетики скифского языка, которые позволили противопоставить его сарматскому, а затем и причислить скифский язык к юго-восточной подгруппе.

К. Т. Витчак и С. В. Кулланда считают, что в скифском языке имеются две особенности, противопоставляющие этот язык сарматскому и осетинскому. Во-первых, в скифском языке древнеиранское сочетание $*gi$, $*gu$ отразилось в виде gi , в то время как в сарматском и осетинском оно перешло в $l(l)$. Во-вторых, в скифском языке древнеиранское $*d$ отразилось в виде l , в то время как в сарматском и осетинском оно сохранилось. Однако, как увидим ниже, данные особенности не покрывают скифский материал в целом.

В генеалогической легенде скифов встречаются имена прародителей царской династии этого народа – $\Lambda\iota\acute{o}\xi\alpha\iota\varsigma$ и $\text{Κολά}\xi\alpha\iota\varsigma$ (Hrd. IV, 5–6). Как показывает этимологический анализ этих имен, древнеиранское сочетание $*gi$ / $*gu$ не всегда сохранялось в скифском языке без изменений. По мнению Э. А. Грантовского, поддержанного и другими исследователями, рассматриваемые имена восходят к древнеиранским архетипам, соответственно $*R\acute{a}ra-x\acute{s}a\acute{y}a-$ ‘Горы царь’ и $*Xv\acute{a}r\acute{y}a-x\acute{s}a\acute{y}a-$ ‘Солнце-царь’ [Грантовский 1960: 7–9, 19–20; Раевский 1977: 63; Абаев 19951: 330, 468; Ivantchik 2002: 258; Дзицойты 2003: 105, 116]. Правда, К. Т. Витчак [Витчак 1992: 53] и С. В. Кулланда [Кулланда 2006: 203-206] считают, что данные имена следует интерпретировать иначе. Но, во-первых, отстаиваемые ими этимологии ничуть не лучше тех, которые они отвергли. Во-вторых, развитие скифского l из иранского сочетания $*gi$ иллюстрируется и другими примерами. Один из них вполне надежен. Это упомянутый Геродотом скифский этноним $\nu\epsilon\varsigma\ \square\ \text{Αλα}\acute{\zeta}\omega$ / $\nu\epsilon\varsigma\ \square\ \text{Αλι}\acute{\zeta}\omega$ (Hrd. IV, 17), который возводят к древнеиранскому $*a\acute{y}a-zana-$ ‘арийское племя’ [Грантовский, Раевский 1984: 57–58]. Второй пример – это скифский антропоним Ὀλκάβας (Appian’s Roman History, 79), восходящий к др.-иран. $*upa\acute{n}i-kara-$ [Абаев 1949: 170, 185]. Следовательно, др. - иран. сочетание $*gi$, $*gu$ имело в скифском языке

двойное отражение: *gi* и *l(i)*. Отсюда ясно, что в скифском языке было как минимум два разных диалекта.

Вопроса о рефлексах древнеиранских сочетаний **gi*, **gu* в скифо-сарматских наречиях коснулся и С. Р. Тохтасьев. Отталкиваясь от данных сарматского языка, он приходит к следующим выводам: «Сарматские диалекты объединяет, прежде всего, важная и яркая особенность, неизвестная ни в скифском, ни в других иранских языках, кроме современного осетинского, потомка сарматского: переход сочетаний **gi*, **gu* > **l*, **giu* > **li*». Далее, пытаясь на основе дошедшего до нас сарматского материала установить хронологию анализируемой фонетической инновации, С. Р. Тохтасьев пишет: «В конце IV в. до н. э. царь сираков (...), которых не без оснований причисляют к раннесарматским племенам, носил имя Ἄρι-φάρνης (Diodor. XX, 22, 4) < *Arya-farna(h)-, в котором группа **gu* еще сохранялась» [Тохтасьев 2006].

Однако Плиний (I в. н.э.) упоминает в районе Нижнего Дуная сарматское племя *Areatas*. Данный этноним, по убедительному толкованию Я. Харматты, восходит к др.-иран. **arya-ta-* ‘арийцы’ [Harmatta 1970: 77]. Следовательно, древнеиранское сочетание **gi*, **gu* в каких-то сарматских диалектах сохранялось и в более позднее время. Учитывая синхронность употребления формы *арейтис* формами аланы, роксаланы, ревкиналы и т. п., правильнее, на наш взгляд, говорить о том, что группа **gi*, **gu* не во всех сарматских диалектах давала рефлекс в виде *l(i)*. То же самое следует сказать о диалектах скифского. Таким образом, рефлекс древнеиранского сочетания **gi* / **gu* не является дифференцирующим признаком, отделяющим скифский язык от сарматского. Он является дифференцирующим признаком внутри каждого из этих языков.

Вторая группа аргументов касается судьбы иранской фонемы **d* в скифском языке. К. Т. Витчак и С. В. Кулланда считают, что данная фонема последовательно перешла в *l*. Основанием для такого решения послужили следующие факты.

Согласно свидетельству Геродота (IV, 6), самоназвание скифов звучало *Σκόλοτοι*, которое было производным якобы от имени их царя. Выше мы уже видели, что автоэтноним скифов – **skula-ta-* (или **škula-ta-*) предполагает более старую общескифскую форму **skuda-ta-*.

Ярким свидетельством перехода *d > l* в части скифских диалектов является слово *Παράται*, которое, согласно Геродоту (IV, 6), было названием царствующей скифской династии. Это слово уже давно сопоставлено с авестийским *paraδāta-* – названием древнейших царей, буквально означающим ‘предустановленные’ [Миллер 1887: 127; Абаев 1949: 175-176; Grantovsky 2006: 68; ср.: Дюмезиль 1976: 159]. Однако имеющаяся в слове *Παράται* греческая буква *Λ* не является искажением буквы *Δ*, как полагал В. Ф. Миллер [там же], а свидетельствует об указанном фонетическом явлении [Грантовский 1970: 90; Szemerényi 1980: 22; Раевский 1977: 67; Раевский 1985: 216; Витчак 1992: 52].

Интересующий нас переход иллюстрируется и другими примерами. Имя скифского царя *Skolopitus* (скифс. **Skula-pitā*) в первой части содержит этноним «скиф» и означает либо ‘отец скифов’ [Грантовский 1970: 90; Grantovsky 2006: 68; Szemerényi 1980: 22; Раевский 1985: 216], либо – ‘чей отец скиф’ [Боголюбов 1987: 36]. Имя скифского царя *Πάλακος* (скифс. **Pālak(a)*) возводится к **Pāda*, а эта форма находит параллель в скифском имени из Ольвии – *Παδαγος*, а также в среднеперсидском имени *Pādaγ* (от *pād* ‘нога’) [Грантовский 1970: 175; Grantovsky

2006: 68]. Имя скифского царя Σαύλος восходит к общеиранскому *saudya- '(Ритуально) Чистый' [Кулланда, Раевский 2004: 93].

С учетом рассматриваемого перехода удовлетворительную иранскую этимологию находят и две скифские глоссы у Гесихия. Скифское malwuyam 'напиток, приготовленный на меду' возводится к иранскому *madu- 'мёд' + суффикс -wuya- [Витчак 1992: 53, 58], а скифское maglú 'лебедь' – к иранскому *madgu- (ср. новоперсидское māy 'водоплавающая птица', санскритское madgú то же) [Витчак 1992: 53; ср. Christol 1989: 16].

Сюда относится и название кельтского племени галатов (Galatai), упоминаемого по соседству с сарматами, которое, по мнению А. Кристоля, восходит к скифскому *gada-ta, где основа *gada- этимологически родственна либо авестийскому gaḏā 'дубина, палица', либо – авестийскому gaḏa 'разбойник, грабитель' [Christol 1989: 19].

Таким образом, часть иранского населения Европейской Скифии действительно говорила на диалекте, в котором иранское *d перешло в l. Э. А. Грантовский подчеркивал, что это был диалект господствовавшего в Скифии племени [Грантовский 1970: 89–90]. Вслед за ним С. Р. Тохтасьев приписывает этот переход языку «царских скифов», датируя его периодом не позже конца VI в. до н. э. [Тохтасьев 2006]. В отличие от них К. Т. Витчак и С. В. Кулланда распространяют указанное фонетическое явление на скифский язык в целом [Кулланда 2006; Kullanda 2006; Кулланда, Раевский 2004: 91, 94].

В соответствии с этой концепцией всякое скифское d является рефлексом древнеиранского сочетания *nt. В мунджанском и афганском языках др.-иран. *nt также отразилось в виде (n)d [Эдельман 1986: 163, 165]. Таким образом, по мнению этих ученых, скифское l восходит к иранскому *d, а скифское (n)d – к иранскому *nt. Однако их аргументы не учитывают скифское d (из др.-иран. *d) в целой группе примеров. К тому же в скифском удастся обнаружить иранское *nt, не перешедшее в d. Обратимся к соответствующим материалам скифского языка.

Среди прочих рек Европейской Скифии Геродот упоминает и реку Παντικάλης (Hrd. IV, 18; IV, 19; IV, 47; IV, 54). Современные исследователи прикрепляют этот гидроним к одному из притоков Днепра [Доватур и др. 1982: 285–287]. В названии этой реки ученые, начиная с В. Томашека, видят иранское *ranti- 'путь, дорога' [Абаев 1949: 170, 175; Grantovsky 2006: 73]. В мунджанском языке рефлексами данной основы являются: rōnda, rōda, rōḏa; в йидга rādo [Грюнберг 1972: 343]. Но если в мунджанском и афганском, а также, как полагает С. В. Кулланда, и в скифском [Кулланда 2006: 201], иранское *nt дает (n)d, то почему в рассматриваемом гидрониме находим nt? Ответ для нас очевиден: скифский язык не был однороден: одни диалекты разделяли указанное фонетическое явление с юго-восточными иранскими языками, а другие – нет.

Обратимся теперь к свидетельствам сохранения иранской *d в скифском языке. Наиболее убедительный случай сохранения этой фонемы в скифском представлен в рассмотренном выше самоназвании скифов, восходящем к архетипу *škuḏa- < *skuda-. Существует мнение, что и в древнеперсидском названии согдийцев sug(u)da скрывается тот же автоэтноним скифов *skuda- [Szemerényi 1980: 26–40, особенно 39]. Таким образом, форма *skuda-, а не *skula-, была широко распространена на огромной территории от Дуная и до границ Китая на севере, и до северных провинций Древней

Передней Азии на юге. Следовательно, древнеиранское *d на большей части территории скифов отразилось в виде d. И лишь в языке скифов-сколотов оно перешло в l.

Как же быть с этим аргументом? По мнению С. В. Кулланды, на момент первых контактов скифов с ассирийцами и греками скифское *d еще не перешло в l [Кулланда 2006: 201; Kullanda 2006: 77]. И лишь к V в. до н.э. этот переход стал свершившимся фактом. Однако существуют свидетельства сохранения иранской *d в скифском языке и в эпоху Геродота.

Согласно генеалогическому преданию скифов, в числе генетических предшественников этого народа было и племя Τράσπλιες (Hrd. IV, 6). По мнению Ж. Дюмезиля, данное название восходит к др.-иран. *Drvāspya 'имеющий богатство в лошадях, в табунах крепких лошадей'. Если так, то это название примыкает к авестийскому теониму Drvāspā [Дюмезиль 1976: 160]. Д. С. Раевский указал на связь геродотовских Τράσπλιες с именем Daraps, встречающимся в одной из версий генеалогического предания скифов (Val. Fl. VI, 60). Учитывая последнюю форму, древнеиранский этимон можно реконструировать и в виде *dār-aspa 'владеющий конями; держащий коней' [Раевский 1977: 41, 68–69]. Как бы то ни было, нет сомнений в том, что инициальная согласная скифского названия является межзубным звонким спирантом δ, несомненно восходящим к общеиранскому *d, который в греческой передаче заменен смычным T, подобно тому, как скифское *dānu- (из иран. *dānu-) у Геродота передано как Τάναϊς. Если верна этимология Ж. Дюмезиля, то скифское *Drvāsp(i)ya следует сравнить с бактрийским теонимом Lrooasproiz *druva-aspa- 'с крепкими конями' [Стеблин-Каменский 1981: 321]. Сравнение скифского *Drvāsp(i)ya с бактрийским *Lruva-aspa- наглядно свидетельствует в пользу сохранения в скифском языке иранской *d. Этот же вывод следует и из этимологии Д. С. Раевского.

Одним из свидетельств в пользу отстаиваемой нами гипотезы мог бы служить и элемент Δάν-/Τάν- в гидронимии Скифии. С. В. Кулланда склонен считать это слово сарматским. Основанием для такого вывода служит отсутствие данного элемента в гидронимии Скифии в эпоху Геродота: известно, что Днестр (Δάναστρίς) у Геродота встречается под названием Τύρης (Hrd. IV, 47, 51, 52, 82), а Днепр (Δάναπρίς) – под названием Βορυσθένης (Hrd. IV, 17, 18, 47, 53, 54, 101). Следовательно, свои современные названия эти реки получили уже после сарматизации Скифии [Кулланда 2006: 203]. Но, во-первых, у Геродота упомянут гидроним Дон (Τάναϊς) – название пограничной между скифами и савроматами реки (Hrd. IV, 20-21, 45, 57, 100, 116, 122, 123). Во-вторых, основа dānu- 'река', по убедительному мнению В. И. Абаева, является скифо-кельтской изоглоссой [Абаев 1995: 436], возникшей, несомненно, еще до распада скифо-сарматской языковой общности. Отсюда видно, что данная основа вполне могла быть достоянием как сарматского, так и скифского мира. В-третьих, Геродот прямо называет Τάναϊςскифской рекой (Hrd. IV, 57-58), а в одном месте даже «меотийской рекой» (Hrd. IV, 45), но ни разу не называет сарматской. У Юстина (Iustini. Historiae Philippicae. I, 1, 4) данный гидроним встречается в качестве имени скифского царя, что также указывает на его скифское, а не сарматское происхождение. В-четвертых, гидроним Τάναϊς в качестве названия Сыр-Дарьи у среднеазиатских скифов упоминает Арриан. Эта же река, согласно «Авесте», у среднеазиатских скифов-тура носила название dānav-. Вот комментарий В. И. Абаева к данному факту:

«Странное на первый взгляд “совпадение” названий Дона и Сыр-Дарьи находит свое объяснение в том простом факте, что азиатские скифы называли Сыр-Дарью “рекой”, так же, как их сородичи в Европе – реку Дон» [Абаев 1990: 31–34, 76]. Авестийская и пехлевийская традиция знают также гидроним *Frazdān(u)*, локализуя его в Сакастане [Абаев 1990: 78]. Армянские источники также упоминают приток Аракса *Hrazdan*, который также является сакским, а не сарматским наследием (ср. область Сакасена в Закавказье) [Абаев 1990: 79].

Как видим, в античной, древнеиранской и армянской традиции термин **dānu-* четко прикреплен к европейским скифам, к скифам-тура и скифам-сакам. Это, конечно же, не означает отсутствия данной основы в сарматском языке, однако показательно, что такая значительная река в области проживания савроматов, как Волга, носила иранское (в данном случае сарматское?) название *’Rā* (из иран. **raha-*), а не **dānu-*.

Сказанное позволяет утверждать, что названия *Δάναπρισι* *Δάναστρις* у соответствующих скифских рек могли существовать и в эпоху Геродота. Их отсутствие в тексте Геродота объясняется характером источников его информации. Сведения о скифах и их соседях Геродот записал со слов скифов-сколотов, в языке которых как раз и отсутствовала основа **dānu-*. Показательно, что данной основы нет ни в бактрийском, ни в афганском и мунджанском языках, с которыми сколотский разделяет изоглоссу **d > l*. Следовательно, можно предположить, что, появившись в Восточной Европе незадолго до персидского вторжения, предки сколотов застали там скифов-шкуда, которых частично оттеснили, а частично ассимилировали. В результате этой ассимиляции в языке сколотов могли появиться смешанные черты, присущие, с одной стороны, юговосточным, а с другой – северовосточным иранским языкам.

Таким образом, нет никаких серьезных оснований для причисления скифского языка к южной подгруппе восточноиранских языков. К этой подгруппе следует отнести только сколотский диалект скифского языка, происхождение которого следует связать с отмеченным Геродотом передвижением части скифов из Средней Азии в Европу незадолго до нашествия персов.

8. Топоним *K’wydar* и некоторые вопросы этнической истории Южной Осетии

Как видно из нашего анализа, отдаленными предками южных осетин были скифы, а не сарматы или другие восточноиранские племена. Можно ли подтвердить этот вывод какими-либо другими данными? И если да, то почему этноним «скиф» не удержался в осетинском языке рядом со своим дериватом *K’wydar**‘Скифия’?

В 1990 г., когда мы впервые изложили наши тезисы по этимологии топонима *K’wydar*, нам была ясна связь между нашей этимологией и одной весьма любопытной фонетической особенностью кударского диалекта. В противоположность всем остальным говорам и диалектам осетинского языка, являющимся чокающими, кударский, судя по письменным памятникам XIX в., был чокающим и лишь в начале прошлого столетия в результате спонантизации шипящих аффрикат стал шокающим.

Старокударские *č, dž*, противостоящие общеосетинским *s, dz*, некоторые ученые пытались представить в качестве рефлексов этих последних фонем. Однако, учитывая, что в общеиранском языке-основе даже в эпоху, непосредственно предшествовавшую его распаду на восточную и западную ветви, имелись только шипящие аффрикаты, но не было соответствующих свистящих аффрикат, уже давно было высказано мнение о

возможной связи старокударских *č*, *dž* непосредственно с древнеиранскими *č, *dž [Harmatta 1970: 75–76]. Учитывая, что только в восточноиранском языковом ареале непосредственно перед его распадом на северную и южную подгруппы (или даже после него) появилась изоглосса с |dz, охватившая далеко не все языки восточноиранской подгруппы, учитывая также, что все осетинские диалекты, кроме кударского, участвуют в изоглоссе с |dz, необходимо сделать вывод, что разрыв между протокударским, с одной стороны, и протоиранским и протодигорским – с другой, мог произойти еще на исторической родине восточноиранских племен.

Исходя из данных лингвистической географии, следует предположить, что изоглосса с |dz, будучи инновацией, затронула лишь центр ареала, тогда как периферия сохранила архаизм (*č*, *dž*). Учитывая, что из всех мыслимых предков осетин в эпоху после распада восточноиранской ветви на северную и южную подгруппы только сармато-массагетские племена продолжали контактировать с остальными иранскими языками восточной группы, а скифские наречия оказались далеко на окраине этого ареала, следует заключить, что именно сарматские и массагетские племена, наряду с предками хорезмийцев, хотано-саков, афганцев, шугнанцев, рушанцев, бартангцев, орошорцев, сарыкольцев, ваханцев, сангличей и ишкашимцев, выработали изоглоссу с |dz. Следовательно, предков осетин-иронцев и осетин-дигорцев следует искать среди сармато-массагетских племен. Скифские наречия, с одной стороны, и предки согдийского (и связанного с ним ягнобского), мунджанского (и связанного с ним йидга) и язгулямского языков – с другой, оказавшись на двух противоположных окраинах восточноиранского ареала, не приняли участия в этой изоглоссе. Отсюда следует, что предок кударского диалекта может быть связан только с киммеро-скифскими, но не сармато-массагетскими племенами.

В упомянутой статье мы лишь оговорили возможность такой интерпретации рассматриваемой фонетической особенности кударского диалекта, но не дали развернутого изложения нашей концепции, обещая вернуться к этому вопросу в другой публикации [Дзиццойты 1990: 87]. К сожалению, военная агрессия Грузии против Южной Осетии (1991-1992гг.) не позволила нам выполнить свое обещание в кратчайшие сроки. Лишь в 1994 г. нам удалось опубликовать тезисы [Дзиццойты 1994: 58–59], а в 1998 г. развернутую версию истории кударского диалекта [Дзиццойты 1998: 181–197]. В период между выходом этих публикаций появилась статья выдающегося ираниста И. Гершевича, выводы которого полностью совпали с нашими.

Признавая кударские *č*, *dž* прямыми рефлексам соответствующих иранских фонем, и учитывая, что между кударским, с одной стороны, и иронским и дигорским диалектами осетинского языка – с другой, нет более существенных расхождений в области фонетики, английский иранист обратил внимание на сообщение Геродота (IV, 117) о том, что сарматы говорят на том же скифском языке, но издавна с ошибками. Поскольку данная оценка восходит к самим скифам, а народная оценка диалектно-говорных различий базируется, как правило, на расхождениях в области фонетики (а не грамматики и лексики), то следует предположить, что в языке сарматов появилась какая-то фонетическая инновация, воспринимавшаяся их скифскими сородичами в качестве ошибочного произношения. Такой инновацией и могло быть сарматское цоканье.

Кроме того, английский иранист обратил внимание на следующее. Курдский глагол *či-* ‘идти’ по форме ближе к современному кударскому *či* ‘иди’, нежели к

своему предполагаемому мидийскому прототипу *šyu-. Форма курдского глагола всегда вызывала вопросы у исследователей, удовлетворительного ответа на которые до сих пор не существует. Высказав догадку о том, что появление курдской формы может быть результатом скифского влияния на протокурдский в эпоху скифских походов в Переднюю Азию (VII в. до н. э.), И. Гершевич пришел к заключению, что скифы, как и осетины-кударцы, говорили на чокающем наречии. Исходя из этого, кударский диалект признан потомком скифского, а иронский – сарматского [Gershevitch 1992: 165–173].

Об оседании скифов в горах Центрального Кавказа и в частности на территории Южной Осетии свидетельствуют археологические данные [Техов 1980]. На карте скифских археологических памятников Закавказья (VII-VI вв. до н. э.), составленной М. Н. Погребовой, территория Южной Осетии вплоть до реки Куры на юге и до реки Арагвы на востоке, а также территория современной грузинской провинции Рача, примыкающая к Южной Осетии на западе, обозначены как «зона наиболее интенсивного рас-пространения элементов скифской материальной культуры» [Погребова 1984: 43].

Об этом же говорят сведения античного географа Страбона (I в. до н. э.), неоднократно комментировавшиеся в научной литературе. Описывая современную ему Иберию, Страбон (XI, 3, 3) сообщает: «Горную страну (т.е. горную часть Иберии – Ю.Д.), напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скифов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются». Южная Осетия, как и горная часть современной Восточной Грузии, входила в состав горной Иберии.

Таким образом, основу этногенеза южных осетин-кударцев заложили скифские племена *škuda-* // *skuda-* в VII в. до н. э. Именно они и назвали свою страну «Скифской (землей/областью)» – *Skudāra (>K'wydar). Это название первоначально прилагалось ко всей территории поселения скифов на Центральном Кавказе, и в этом значении бытует и в наше время у северных осетин. Но впоследствии исконно скифское население Южной Осетии смешалось с переселившимися из Северного Кавказа племенами сармато-аланского (и массагетского?) круга. Такого рода переселения происходили перманентно, но основных волн, как нам представляется, было две.

В результате смешения скифов с каким-то сарматским племенем скифский язык Южной Осетии сблизился и с иронским, и с дигорским диалектом, удержав некоторые важные черты своей фонетики, морфологии и лексики.

Одним из важных результатов этого смешения была и смена самоназвания древних скифов – вместо автоэтнонима *skuda-tā 'скиф(ы)' стал употребляться этноним *twal(tæ)* 'туал(ы), туалыцы'. Следовательно, туалыцы и были одним из сармато-аланских или массагетских племен, переселившихся в древности на территорию Южной Осетии. Наиболее значительная волна переселенцев, принесших с собой новое самоназвание, могла появиться в Южной Осетии в IV–III вв. до н. э. в связи с вторжением сарматов как в Европейскую Скифию, так и на Северный Кавказ.

В результате этого же переселения и последовавших процессов смешения племен топоним «Скифия» (K'wydar) в самой Южной Осетии удержался лишь в одном ущелье, очевидно, по той причине, что именно здесь скифы сумели сохранить свои позиции, сопротивляясь ассимиляции с сарматами. Именно эту картину застает в Южной Осетии автор «Армянской географии» или его грузинский информант, а также – Вахушти Багратиони. Разница в том, что за прошедшие тысячу лет жители

Кударского ущелья в языковом и этническом плане полностью сблизилась с туалъцами, поэтому Вахушти знает в Кударском ущелье только туалъцев.

Из сказанного вытекает также, что этноним *twal* не был исконным самоназванием средневековых жителей Южной Осетии, как это представляется современным исследователям, опирающимся исключительно на данные письменных источников. Не был он и кавказским по происхождению, иначе отличительная черта кударского диалекта заключалась бы в наличии в нем «кавказского суперстрата». Туалъцы до их переселения в Южную Осетию были иранским племенем (сарматского или массагетского круга), как об этом свидетельствует и индоевропейская (иранская) этимология этнонима *twal* [Пахалина 2002: 103–105]. После переселения они стали господствующим племенем в Южной Осетии, перенявшим у предшествующего скифского населения некоторые черты их речи, не утраченные и современными носителями кударского диалекта.

В XIII–XIV вв. под давлением татаро-монгольских, а затем и тимуровских орд в Южную Осетию устремилась еще одна мощная волна переселенцев с Северного Кавказа, принесшая с собой самоназвание *ir(on)*, а также иронский диалект, ставший господствующим в восточной части Южной Осетии (туалъский и чисанский говоры). При этом этноним *twal* постигла та же участь, что и этноним **k'wydataæ*: он сузил свою семантику и стал употребляться в значении «житель северо-востока Южной Осетии».

Таковы краткие выводы, вытекающие из этимологии топонима *K'wydar*. Учитывая недостаточную освещенность письменными источниками скифо-сарматского периода истории Южной Осетии, наши выводы в дальнейшем могут быть скорректированы, но основной вывод, как нам представляется, не претерпит изменений: топоним *K'wydar* в архаизирующем переводе означает «Скифская (земля/область)».
